

Леся Шу

Не
оборачивайся

18+

Леся Шу

Не оборачивайся

<https://litres.ru/74599713>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесу за городком Честерс-Милл, штат Мэн, Фрэнк Лоуэлл находит детский ботинок. Красный, с белой полосой. Он тёплый — как будто только что сняли с ноги. Внутри записка детским почерком: «Он уже здесь. Не оборачивайся».

Ночью ботинок возвращается на крыльцо. Мокрый, хотя дождя не было. А утром пропадает пятилетний сын соседей.

Фрэнк — вдовец, механик, отец девятилетней дочери. Но, начав искать мальчика, он находит подшивки газет за 1961 год: девять детей пропали за шесть дней. Ни одного не нашли.

Шестьдесят лет город молчит. Шестьдесят лет платит долг, о котором не говорят вслух. Два года назад жена Фрэнка пыталась это остановить — и умерла. Теперь очередь его дочери.

Чтобы спасти её, Фрэнку придётся войти в лес, который не отпускает. Найти дом, которого нет на картах. Открыть книгу, куда записаны все, кого забрали. И встретиться с тем, кто считает.

Он не герой. Он просто отец, который не умеет молчать. Но в городе, где молчат все, один голос может стоять жизни.

Содержание

Глава	4
Часть I. Тёплый ботинок	5
Глава 1. Красный ботинок	5
Глава 2. Поиски	9
Глава 3. Шериф Холланд	12
Глава 4. Мэйбл не лает	16
Глава 5. Эрин	21
Глава 6. Две зимы назад	26
Глава 7. Архив «Честерс-Милл Игл»	32
Глава 8. Девять имён	38
Глава 9. Дотти	43
Глава 10. То, что сказала Дотти	50
Глава 11. Отец Ренни	58
Глава 12. Исповедь на бензоколонке	66
Глава 13. Возвращение	71
Глава 14. Мальчик, который не вырос	77
Глава 15. Доктор Пайк	85
Глава 16. Что помнит Полли	97
Глава 17. Кухонный стол	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Леся Шу

Не оборачивайся

Глава

Часть I. Тёплый ботинок

Глава 1. Красный ботинок

Позже, когда в Честерс-Милле начали пропадать дети, я много раз вспоминал тот день. И больше всего — как Мэйбл не хотела идти дальше.

Меня зовут Фрэнк Лоуэлл. Мне сорок три. Я вдовец. Я чиню машины в гараже на Мейн-стрит, и если вы когда-нибудь заезжали в наш городок, то, скорее всего, видели вывеску: «ЛОУЭЛЛ АВТО. РАБОТАЕМ ЧЕСТНО, КОГДА ТРЕЗВЫ». Это шутка. Почти.

В Мэне есть два времени года: зима и дорожные работы. Но тот сентябрь был третьим. Тем, когда вещи возвращаются.

Дождь шёл три недели. Не сильный, не гроза, а просто серая морось, от которой деревья становятся чёрными, а мысли — липкими. А потом вдруг ударила жара. Не летняя, а какая-то неправильная, как дыхание человека с температурой. Воздух пах мокрой листвой, ржавчиной и чем-то сладковатым, будто где-то за оврагом сдох олень.

Я взял Мэйбл и пошёл по старой лесовозной дороге. Мэйбл — колли. Старая, полуслепая, с артритом в задних лапах. Она ходила медленно, но всё ещё считала себя щенком. Ино-

гда это умиляет. Иногда пугает.

Примерно в миле от развилки она остановилась. Просто встала, будто наткнулась на невидимую стену. Шерсть на загривке поднялась.

— Мэйбл?

Она не смотрела на меня. Она смотрела в лес.

Я проследил взгляд. Сначала ничего. Потом — красное пятно среди папоротников. Я подумал: мусор. Пивная банка. Тряпка. Может, чей-то сброшенный мусорный пакет, какие тут иногда оставляют придурки из Огасты.

Но это был ботинок.

Маленький. Красный. С белой полосой по бокам. Такие носят дети лет пяти-шести. Он лежал носком ко мне, как будто ребёнок просто стоял там, а потом исчез — весь, кроме обуви.

Я подошёл. Мэйбл заскулила.

— Тихо, девочка.

Я поднял ботинок. И тут же чуть не выронил.

Он был тёплый.

Не горячий. Не как от печки. Тёплый, как ладонь. Как будто его только что сняли с ноги.

Я оглянулся. Лес стоял тихо. Слишком тихо. Знаете, как бывает, когда в комнате все замолкают, потому что кто-то вошёл? Вот так было там. Птицы не пели. Кузнечики не трещали. Даже ветер, казалось, обходил это место стороной.

Внутри ботинка что-то шуршало. Я запустил два пальца и

вытащил сложенный вчетверо листок. Бумага была влажная, но не от дождя. Скорее от пота. Или от чего-то ещё.

Я развернул.

Детский рисунок. Кривой домик. Солнце с лучами. Три палочные фигурки: большая, средняя и маленькая. А под ними — печатными буквами, синим карандашом:

ОН УЖЕ ЗДЕСЬ. НЕ ОБОРАЧИВАЙСЯ.

Я не обернулся.

Не потому, что взрослый мужчина верит в детские записки. А потому, что где-то за моей спиной, в глубине леса, кто-то начал напевать.

Голос был тонкий. Детский. Но мелодия... Мелодия была неправильная. Она шла вниз, хотя должна была идти вверх. Она спотыкалась. Она улыбалась.

Я узнал мотив. Моя мать пела её мне, когда я был маленьким. Тогда я не понимал слов. Теперь, стоя в лесу с тёплым ботинком в руке, я вдруг понял.

Тише, малыш, не шуми, Папа вернётся из тьмы. Мама закроет окно, Только не выгляни, всё равно.

Я пошёл назад. Быстро. Мэйбл хромала рядом, но не отставала. Мы вышли из леса через десять минут, хотя шли туда почти час. Домой я вернулся к вечеру. Ботинок оставил на крыльце. Не хотел заносить в дом. Просто не хотел.

Ночью я проснулся от стука.

Не в дверь. Не в окно. В стекло. Тихо, настойчиво, как будто ребёнок стучал пальцем.

Я лежал и смотрел в потолок. В доме было темно. За окном — тоже. Мэйбл не лаяла. Она спала у кровати и даже не шевельнулась.

Стук повторился.

Я встал. Подошёл к окну. Отодвинул занавеску.

На крыльце никого не было. Только красный ботинок. Он стоял в центре ступеньки, носком к двери. Хотя вечером я бросил его у перил.

И он был мокрый.

Хотя дождя не было.

Утром пропал сын соседей. Мальчик по имени Тимми Роуэн. Пять лет. Волосы светлые, глаза серые. В тот день он был в красных ботинках с белой полосой.

Глава 2. Поиски

Тимми Роуэн пропал в четверг, а узнал я об этом только в пятницу утром, потому что в Честерс-Милле новости ходят медленно, если это не чей-то развод или чей-то самогонный аппарат.

Я стоял у гаража и пил кофе из термоса, когда подъехал пикап Ларри Пью и Ларри сказал мне через окно:

— У Роуэнов мальчишка не вернулся.

Вот так. Не «пропал». Не «потерялся». «Не вернулся». Как будто он уходил куда-то по делу и задержался. Как будто у пятилетнего ребёнка могут быть дела.

Я вылил кофе в траву.

К девяти утра у поворота на лесовозную дорогу стояло машин сорок. Кто-то привёз термосы, кто-то — бутерброды, кто-то — собак. Мужчины в камуфляже, женщины в куртках поверх халатов, подростки, которые пришли посмотреть. Так у нас ищут: половина ищет, половина смотрит, и все потом говорят, что были там.

Дейл Холланд стоял на капоте своей машины с мегафоном, который не работал, и поэтому просто кричал.

— Разбиваемся на группы по шесть! Северная сторона — до ручья! Южная — до ЛЭП! Никто не идёт один!

Я подошёл к нему. Дейл был мне должен четыреста двадцать долларов за замену коробки передач ещё с марта, и мы

оба об этом знали, и оба об этом молчали, как два взрослых человека.

— Где искать-то, Дейл?

— Везде, Фрэнк.

— Это не ответ.

Он посмотрел на меня. У него были глаза человека, который не спал и не собирался спать.

— Ищи везде, — сказал он тихо. — Пожалуйста.

Вот это «пожалуйста» мне не понравилось больше всего. Дейл Холланд не говорит «пожалуйста». Дейл Холланд говорит «сделай». Дейл Холланд говорит «не учи меня». Дейл Холланд говорит «я тут шериф двадцать два года».

Мы пошли на северную сторону. Шесть человек: я, Ларри, двое парней с лесопилки, женщина по фамилии Оден, которая всё время крестилась, и мальчик лет семнадцати в наушниках, которого, кажется, никто не звал.

Мэйбл я оставил дома. Она бы не прошла. Ей одиннадцать, и задние лапы у неё как у восьмидесятилетнего мужика.

Через сорок минут мы нашли куртку Тимми Роуэна. Синюю, с машинкой на груди. Она висела на ветке — не лежала, а именно висела, аккуратно, как в магазине. Расстёгнутая. Целая. Сухая.

Ларри сказал:

— Это хорошо. Значит, он где-то рядом.

Я не сказал ничего, потому что думал другое. Я думал:

почему она сухая, если мы третью неделю живём в дожде. Я думал: почему она висит. Я думал: ребёнок пяти лет не расстёгивает куртку и не вешает её на сук на высоте своих глаз. Он её сбрасывает. Он её бросает. Он её теряет.

А ещё я думал, что мысль про «хорошо» никогда в таких случаях не бывает правильной. Ни разу в жизни.

Мы искали до темноты. Я прошёл, наверное, восемь миль. Я выкрикивал его имя, пока не охрип. Я смотрел под каждый куст, в каждый овраг, за каждое поваленное дерево. Ничего.

К шести часам Дейл снова собрал всех у поворота и сказал, что на сегодня хватит. Что утром будет вертолёт. Что из Огасты приедут кинологи.

А потом добавил:

— Скорее всего, мальчишка где-то спрятался. Дети боятся наказания. Он выйдет сам.

Никто не спросил, какого наказания может бояться пятилетний ребёнок. Никто не спросил, где он может спрятаться в лесу, который мы прочесали трижды. Никто не спросил ничего.

Мы разошлись по машинам.

По дороге домой я увидел, как Линда Роуэн стоит на крыльце своего дома. Она не плакала. Она держала в руках резиновый сапожок. Один. Левый.

И смотрела в сторону леса так, как будто ждала, что лес ей что-нибудь ответит.

Глава 3. Шериф Холланд

Дейл Холланд приехал ко мне в гараж в субботу вечером, когда я уже закрывался.

Он не позвонил. Он просто встал в дверях — большая тёмная фигура, которая загораживает свет, — и сказал:

— У тебя выпить есть?

Это был плохой знак. Дейл Холланд пьёт два раза в год: на Рождество и когда ему очень плохо. Рождество было далеко.

Я достал из-под верстака бутылку «Джима Бима», которую держал для клиентов, которые платят наличными и хотят поговорить. Мы сели на два старых стула. Мэйбл подошла, обнюхала его ботинки и легла у двери, глядя на улицу. Это тоже был плохой знак. Мэйбл не любит Дейла.

— Собаки ничего не нашли, — сказал он.

— Я знаю.

— Вертолёт ничего не нашёл.

— Я знаю, Дейл.

— Кинологи. С Огасты. Двое. Из Портленда ещё один, он в понедельник приедет.

— Дейл.

Он посмотрел на меня.

— Что ты хочешь мне сказать?

Он отпил прямо из горла. Много. Слишком много.

— Сколько лет было Полли Гарденер? — спросил он.

У меня в животе что-то медленно перевернулось. Как будто кто-то взял и повернул.

— Кто?

— Полли Гарденер.

— Дейл, я не знаю никакой Полли Гарденер.

Он засмеялся. Нехорошо. Горлом.

— Конечно, не знаешь. Никто не знает. В этом весь смысл, Фрэнк. В этом всё, сука, смысл.

Я молчал. Я выучил одно правило за сорок три года жизни в маленьком городе: если человек говорит тебе что-то важное, не перебивай его. Перебьёшь — закроется. Дашь молчанию поработать — вывалит всё.

Он вывалил.

— Моему брату было семь. В шестьдесят первом. Он пропал в октябре. Мать мне сказала, что он уехал к тётке в Бангор. Я был маленький, я поверил. Я поверил, Фрэнк. Мне было четыре года. Я поверил, что у меня есть тётка в Бангоре.

— Дейл...

— У меня нет никакой тётки в Бангоре.

Он допил бутылку и поставил её на пол. Мэйбл подняла голову и посмотрела на него. Я первый раз в жизни увидел, как Мэйбл смотрит на человека как на врага.

— И знаешь, что самое смешное? — сказал Дейл. — Я тебе это сейчас рассказываю, и мне легче. Впервые за шестьдесят лет мне легче. Вот так, Фрэнк. Вот так всё это работает.

— Что работает?

Он встал. Он покачнулся, но не сильно. Он был из тех, кто пьёт много и всё равно держится прямо, потому что внутри у него стержень из чего-то очень твёрдого и очень старого.

— Ищи его сам, — сказал он. — Не жди меня. Я тебе официально говорю: если утром в воскресенье его не найдут — в понедельник я закрываю поиски.

— Ты не можешь закрыть поиски ребёнка.

— Ещё как могу. — Он надел кепку. — Пиши заявление в Огасту, если хочешь. Я даже дам тебе бумагу.

У двери он остановился.

— Фрэнк.

— Что.

— Ты в лесу ничего... не находил?

Мэйбл зарычала. Тихо. Первый раз за девять лет.

Я посмотрел на Дейла Холланда. Я посмотрел на человека, который знает мой город лучше меня, который держит его в руках двадцать два года, который сейчас стоит передо мной пьяный и просит меня соврать.

И я соврал.

— Ничего.

Он кивнул. И вышел. И через минуту за окном завёлся двигатель его машины.

Мэйбл смотрела на дверь ещё минуты две после того, как звук пропал. Потом легла и положила голову мне на ботинок.

Я сидел в тёмном гараже и думал о красном ботинке, ко-

торый оставил на крыльце.

И о том, что ночью он снова может быть там.

Глава 4. Мэйбл не лает

Я не спал.

Ну, то есть спал, но плохо — тем поверхностным сном, когда мозг продолжает работать, а тело просто лежит с закрытыми глазами и притворяется. Я слышал каждый скрип половиц, каждый вздох ветра под сайдингом, каждый щелчок холодильника на кухне. Дом ночью — это не тишина. Дом ночью — это оркестр из тысячи мелких звуков, которые днём ты не замечаешь, а в три часа ночи они звучат как шаги в коридоре.

Мэйбл спала у кровати. Я слышал её дыхание — старое, свистящее, с присвистом в лёгких. Иногда она вздрагивала во сне. Иногда рычала. Иногда просто тяжело вздыхала, как человек, которому всё это надоело.

Стук раздался в двадцать минут четвёртого.

Не в дверь. Не в окно спальни. В стекло гостиной — с той стороны, где крыльцо. Три удара. Пауза. Три удара. Пауза. Как будто кто-то отрабатывал ритм, который ему когда-то показали.

Мэйбл не шевельнулась.

Я сел на кровати. Я слушал. Я ждал, что она хотя бы поднимет голову. Хотя бы посмотрит в сторону звука. Хотя бы вздохнёт.

Ничего.

— Мэйбл.

Она не отреагировала. Я протянул руку и коснулся её спины. Она дышала. Она была живая. Она просто... не слышала. Или слышала, но не считала нужным реагировать. Как будто знала, что это не имеет значения. Как будто знала, что это не поможет.

Стук повторился.

Я встал. Я не стал включать свет. Я не стал брать ружьё, которое лежало в шкафу в прихожей, потому что для ружья нужны основания, а у меня оснований не было. Просто ботинок. Просто записка. Просто ребёнок, который пропал.

Я прошёл через гостиную, стараясь не скрипеть половицами. Хотя кого я обманывал. Если там кто-то был, он слышал меня ещё с того момента, как я открыл глаза.

Я подошёл к окну. Занавеска была задёрнута, но неплотно — оставалась щель сантиметра в четыре. Я приложил глаз к этой щели.

Крыльцо.

Пусто.

Я постоял ещё секунду. Две. Три. Потом открыл входную дверь.

Ботинок лежал ровно посередине верхней ступеньки. Носком к двери. Красный, с белой полосой. Тот самый. Я узнал бы его из тысячи — маленькая царапина на левом боку, будто от велосипедной педали. Я его не разглядывал, когда поднял в лесу. Я его вообще старался не разглядывать.

Но, видимо, мозг запомнил.

Ботинок был мокрый. Не влажный, не отсыревший — мокрый, как будто его только что вытащили из воды. Под ним на досках крыльца расплзлось тёмное пятно. Я наклонился и коснулся пальцем. Вода. Обычная вода. Холодная.

Я выпрямился и посмотрел на улицу.

Мейн-стрит была пуста. Фонарь у почты мигал, как всегда — Дейл обещал его починить ещё в мае, и, как всегда, не починил. За забором у дома Маккалистеров лаяла собака. Значит, собаки в городе ещё работают. Значит, проблема была не во всех собаках. Только в моей.

Я поднял ботинок. Тёплый.

Внутри опять что-то шуршало.

Я вытряхнул на ладонь второй листок. Тот же детский рисунок. Тот же кривой домик. Те же три палочные фигурки. Но маленькая фигурка теперь была закрашена. Полностью. Чёрным карандашом, так сильно, что бумага порвалась в двух местах.

А внизу — тем же синим карандашом, тем же печатным почерком:

ТЫ ЕГО ВИДЕЛ.

Я стоял на крыльце в одних пижамных штанах и майке. Ветер был холодный — тот самый октябрьский ветер, который приходит в Мэн в конце сентября и говорит: всё, лето кончилось, я здесь надолго.

Я смотрел на записку.

Я его видел. Я не понял этого тогда. В лесу, когда Мэйбл встала и зарычала, когда птицы замолчали, когда голос за спиной запел про папу, который вернётся из тьмы — я что-то видел. Краем глаза. Справа. За деревьями. Что-то большое. Что-то тёмное. Что-то, что стояло и смотрело.

Я тогда решил, что мне показалось. Стресс. Усталость. Три недели дождя. Что угодно, кроме того, что это было на самом деле.

Но кто-то знал, что я это видел.

И кто-то хотел, чтобы я знал, что он знает.

Я занёс ботинок в дом. Я не знаю, зачем. Может, потому что оставлять его на крыльце было хуже — как будто я соглашался на разговор. Может, потому что я хотел, чтобы он был у меня под контролем. Как будто у меня был хоть какой-то контроль.

Я положил его на кухонный стол. Мэйбл проводила его взглядом, но не подошла. Она смотрела на него так, как смотрят на человека, которого когда-то знали, но который теперь стал кем-то другим.

Я сидел на кухне до рассвета. Смотрел на ботинок. Ждал, что он что-нибудь сделает. Он не делал.

Но к пяти утра я понял, что вода на крыльце высохла. Пятно исчезло. Ни следа. Ни мокрого следа, ни капли.

А ботинок на столе был сухой. Абсолютно сухой. Как будто его никогда не было в воде.

Но я всё ещё чувствовал запах. Мокрая шерсть, ржавчина

и что-то сладкое.

Глава 5. Эрин

Моя дочь проснулась в семь, как всегда. Она никогда не была из тех детей, которые встают в шесть и прыгают на кровати. Она просыпалась медленно, молча, открывала глаза и лежала, глядя в потолок, как будто за ночь забыла, где находится. Сара всегда говорила, что Эрин — это маленькая старушка, которая родилась с пониманием того, что мир не всегда добрый.

Эрин было девять. У неё были волосы Сары — тёмные, густые, непослушные. И глаза Сары — серые, как небо над болотом в ноябре. И улыбка Сары, которая появлялась редко, но когда появлялась, становилось легче дышать.

Я сидел на кухне с ботинком на столе, когда она вышла в коридор.

Она остановилась.

Она посмотрела на ботинок. Потом на меня. Потом опять на ботинок.

— Это что? — спросила она.

Я мог соврать. Я умею врать — я вру каждый день, когда говорю клиентам, что их машина будет готова к вечеру, когда знаю, что она будет готова к четвергу. Я вру Ларри, когда он спрашивает, как дела, и я говорю «нормально». Я вру себе, когда говорю, что справляюсь.

Но Эрин я не врал почти никогда. Не по каким-то благо-

родным причинам. Просто она всегда видела.

— Нашёл в лесу, — сказал я.

— Чей?

— Не знаю.

Она подошла к столу. Она не боялась. Она была из тех детей, которые не боятся вещей — только людей. Она посмотрела на ботинок близко, как будто изучала его. Потом протянула руку и коснулась пальцем носка.

— Он тёплый, — сказала она.

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

Она подняла на меня глаза.

— Пап.

— Что.

— Это Тимми?

У меня пересохло во рту. Я не говорил ей про Тимми. Я вообще старался не говорить ей ничего, что могло её напугать. Ей девять. У неё и так была тяжёлая жизнь — мать умерла, отец работает по двенадцать часов, дом старый, зимы холодные, лето короткое, денег мало. Ей не нужно было знать про пропавшего мальчика.

Но она знала.

— С чего ты взяла?

— У него были такие, — сказала она. — Я видела его в школе. Он приходил с мамой. У него были красные ботинки

с белыми полосками. Я запомнила, потому что хотела такие же.

Я молчал.

— Пап, он вернётся?

Что ты отвечаешь на такой вопрос? Что ты говоришь девятилетней девочке, которая уже похоронила мать и теперь спрашивает про мальчика, которого, скорее всего, уже нет?

Я соврал. Плохо.

— Да, — сказал я. — Его найдут.

Она посмотрела на меня. Долго. Спокойно. И я понял, что она мне не поверила. Но она кивнула. Потому что она была хорошая девочка, и потому что она знала, что взрослым иногда нужно, чтобы им поверили.

— А что это? — спросила она и указала на записку.

Я не успел её убрать. Я вообще не думал о записке — я думал только о ботинке.

— Ничего.

— Ты врёшь.

— Эрин.

— Я не маленькая.

Я вздохнул. Я взял записку и протянул ей. Может, это было ошибкой. Может, мне следовало сжечь её. Но я подумал: если в этом городе что-то происходит, и если это что-то касается детей, то моя дочь имеет право знать. Хотя бы то, что я знаю сам.

Она прочитала. Она не испугалась. Она нахмурилась —

как Сара, когда решала задачу по бухгалтерии. Потом перевернула листок. Посмотрела на рисунок.

— Это наша семья, — сказала она.

— Что?

— Ну, смотри. Большая фигурка — это ты. Средняя — это мама. Маленькая — это я. — Она ткнула пальцем в маленькую фигурку, покрашенную чёрным. — Только я зачёркнута.

Я почувствовал, как у меня холодеет затылок.

— Эрин, это просто рисунок. Это не наша семья. Это просто... просто кто-то нарисовал.

— Тогда почему здесь три фигурки, а не две? — спросила она.

Я не нашёл ответа.

Она положила листок на стол. Она посмотрела на ботинок ещё раз. Потом посмотрела на меня.

— Мама говорила, что в этом городе нельзя ходить в лес после заката, — сказала она. — Помнишь?

Я помнил. Сара говорила это часто. Она говорила это так, как говорят вещи, которые не обсуждают. Как факт. Как погоду. «После заката в лес не ходим». Я думал, это потому что там койоты. Или пьяные охотники. Или просто суеверие человека, который вырос в маленьком городе и впитал его страхи с молоком.

Теперь я думал другое.

— Пап, — сказала Эрин. — А мама точно утонула?

Мир остановился.

Я смотрел на свою дочь. На её серые глаза. На её лицо, которое было лицом Сары, только меньше и моложе, и в котором сейчас не было ни страха, ни слёз, ни истерики. Только вопрос.

Я мог сказать «да». Я мог сказать «мама умерла, и это была трагедия, и мы не будем об этом говорить, потому что нам больно». Я мог сделать то, что делал всегда, — закрыть тему, увести разговор, уйти в гараж и чинить машины до ночи.

Но она спросила. И она ждала.

— Я не знаю, — сказал я.

Это было самое честное, что я говорил за два года.

Она кивнула. Медленно. Как будто давно знала ответ и просто проверяла, скажу ли я его.

— Ладно, — сказала она. И пошла есть хлопья.

Я сидел на кухне. Ботинок стоял на столе. Записка лежала рядом. Солнце поднималось над Честерс-Миллом — серое, октябрьское, неохотное.

И где-то очень глубоко внутри меня, в том месте, куда я не заглядывал два года, что-то начало шевелиться.

Глава 6. Две зимы назад

Сару нашли двенадцатого марта.

Я помню дату, потому что двенадцатого марта у нас была годовщина свадьбы. Восемь лет. Мы планировали поехать в Портленд, поужинать в том итальянском ресторане на Конгресс-стрит, где мы были в первый раз, когда я ещё работал на лесопилке и у меня были деньги. Сара хотела заказать лобстера. Она всегда заказывала лобстера, хотя каждый раз говорила, что в следующий раз возьмёт пасту. Она врала себе так же, как я врал себе про машины.

Она ушла утром. Сказала, что хочет прогуляться до болота — просто проветриться перед поездкой. Была зима, но тёплая — в Мэне бывает такой март, когда снег сходит и всё превращается в грязь, и воздух пахнет землёй и гнилью. Она надела сапоги. Она надела свою зелёную куртку. Она поцеловала меня в щёку и сказала:

— Я быстро.

Она не вернулась.

Я не сразу запаниковал. Сара любила ходить. Сара любила лес. Она знала эти тропы лучше, чем я, — она выросла здесь, она ходила по болотам с отцом, когда была маленькой, она знала каждое дерево, каждый камень, каждую кочку. Она говорила, что лес её успокаивает. Что лес — это единственное место, где она может думать.

Я запаниковал через три часа. Я позвонил. Я пошёл искать. Я нашёл её следы на тропе, ведущей к старой мельнице, и потом следы пропали. Просто исчезли. Как будто она поднялась в воздух.

Шериф Холланд организовал поиски. Двести человек. Собаки. Вертолёт — тот же самый вертолёт, который через два года будет искать Тимми Роуэна и не найдёт. Они искали три дня. Они искали ночами — с фонарями, с тепловизорами, с криками. Ничего.

На четвёртый день её нашли.

Не в болоте. Не в лесу. В трёх милях от воды — на сухом месте, в поле, у старого каменного забора, который когда-то отделял одну ферму от другой, а теперь просто стоял там, как память о том, что здесь когда-то жили люди.

Она лежала на спине. Руки раскинуты. Глаза открыты. Она была сухая. Она была чистая. Она была в зелёной куртке и сапогах. Она выглядела так, как будто легла поспать — просто легла в поле, на сухую землю, в марте, и заснула.

Доктор Пайк сказал: утонула. Я сказал: как? Он сказал: вода в лёгких. Я сказал: она лежала в поле, за три мили от воды. Он сказал: иногда бывает. Я сказал: что значит «иногда бывает»? Он сказал: Фрэнк, я подписываю заключение, и мы закрываем это дело.

Я не спорил. Я не мог спорить. Я не спал четыре дня. Я смотрел на свою жену, которая лежала на столе в морге, и я не понимал, как человек может утонуть в поле. Но я под-

писал бумаги. Я организовал похороны. Я купил костюм для Эрин. Я держал её за руку, когда гроб опускали в землю. Я сказал ей, что мама теперь в лучшем месте. Я не верил ни в какое лучшее место, но я сказал.

А потом я поехал домой. И я сидел в гараже. И я чинил машины. И я не думал о том, что Сара в последний месяц своей жизни стала странной. Что она просыпалась по ночам. Что она ходила по дому и проверяла окна. Что она сидела на кухне с блокнотом и что-то писала, а когда я подходил — закрывала блокнот.

Я не думал об этом два года. Я задвинул это глубоко — туда, где хранятся вещи, с которыми ты не можешь жить.

Но теперь, глядя на красный ботинок на кухонном столе, я думал.

Я думал о том, что Сара сказала мне за неделю до смерти. Мы лежали в кровати. Она не спала. Я тоже не спал — я делал вид, что сплю, потому что устал от её бессонницы. Она повернулась ко мне и сказала:

— Фрэнк.

— Ммм.

— Если я когда-нибудь исчезну, не ищи меня в лесу.

Я открыл глаза.

— Что?

— Просто пообещай. Не ходи за овраг. Не ходи к мельнице. Не ходи туда, где ты меня не найдёшь.

Я тогда подумал, что она устала. Что у неё депрессия. Что

это те самые женские штучки, которых я не понимаю. Я сказал:

— Сара, ты никуда не исчезнешь.

Она посмотрела на меня. В темноте я видел только контур её лица, но я чувствовал её взгляд. Она смотрела на меня так, как будто прощалась.

— Пообещай, — сказала она.

— Хорошо. Обещаю.

Она отвернулась.

Через неделю она ушла. Я искал её в лесу. Я обещал не искать — и всё равно искал. Я прошёл все тропы, которые знал. Я дошёл до мельницы. Я не нашёл ничего.

Тело нашли за оврагом. В поле. Там, где я не искал.

Я всегда думал, что это случайность. Что она просто пошла другой дорогой. Что она заблудилась. Что сердце не выдержало — у неё были проблемы с сердцем, она говорила об этом, я не слушал.

Теперь я думал другое.

Я думал: она знала. Она знала, что что-то придёт. Она знала, что это что-то связано с лесом, с оврагом, с мельницей. Она пыталась меня предупредить. Но она не могла сказать прямо — потому что если бы сказала, то что-то случилось бы. Что-то плохое. Хуже, чем смерть.

Я вспомнил её слова. «Не ходи туда, где ты меня не найдёшь».

Она не утонула в поле. Она ушла туда, где её не должно

было быть. Она заплатила.

Я не знал чем. Я не знал кому. Я не знал, за что.

Но я знал, что моя дочь сейчас сидит за столом и ест хлопья, и что красный ботинок лежит в двух метрах от неё, и что в этом городе что-то происходит.

И я знал, что Сара, если бы могла, сказала бы мне: заведи Эрин и уезжай.

Но уехать было нельзя. Я это чувствовал. Я чувствовал это так же ясно, как чувствовал запах мокрой шерсти и ржавчины, который до сих пор стоял в кухне, хотя ботинок был сухой.

Я встал. Я взял ботинок со стола. Я отнёс его в гараж и запер в ящике с инструментами, который запер на ключ. Ключ положил в карман.

Эрин доела хлопья. Она посмотрела на меня, когда я вернулся.

— Пап, — сказала она.

— Что.

— Я не хочу в школу сегодня.

Я хотел сказать «надо». Я хотел сказать «ты не можешь пропускать». Я хотел сказать «всё нормально».

Но я посмотрел на неё. На её серые глаза. На её спокойное, взрослое, невозможное лицо.

— Хорошо, — сказал я. — Сегодня не пойдёшь.

Она кивнула. И пошла в свою комнату.

Я стоял на кухне. Смотрел в окно. За окном Че-

стерс-Милл жил своей жизнью: кто-то ехал на работу, кто-то выгуливал собаку, кто-то курил на крыльце. Обычный город. Обычное утро. Обычные люди.

Только одна собака не лаяла. Только один мальчик пропал. Только один ботинок был тёплым.

Я налил себе кофе. Я сел за стол. И я начал думать.

Не о том, как жить дальше.

О том, что я знаю. И о том, чего я не знаю. И о том, что если я хочу сохранить свою дочь, мне придётся узнать.

Я думал о том, что у Сары был блокнот. Что она что-то писала. И что этот блокнот, скорее всего, всё ещё где-то в доме.

Я поставил чашку. Я встал. Я пошёл в спальню.

Я начал искать.

Глава 7. Архив «Честерс-Милл Игл»

Блокнот я нашёл в коробке с ёлочными игрушками.

Это была не та коробка, которую я искал. Я искал коробку с надписью «Сара — документы», которую я сам подписал два года назад, когда разбирал её вещи и не мог решить, что выбросить, а что оставить. Но коробка с документами оказалась в подвале за старым комодом, а коробка с игрушками стояла на виду — на верхней полке в кладовке, рядом с банками с вареньем, которое Сара варила в последний год и которое я так и не открыл.

Я полез за документами. Я сдвинул коробку с игрушками. И она упала.

Дно у неё было отклеено — от старости, от сырости, от того, что коробка простояла в кладовке лет двадцать. Из-под отклеенного картона вывалился блокнот. Обычный, в чёрной клеёнчатой обложке, какие продаются в любом магазине канцтоваров за три доллара.

Я его узнал. Я видел его у Сары в руках. Много раз. Она сидела с ним на кухне, когда думала, что я сплю. Она что-то писала. Она закрывала его, когда я входил.

Я поднял его. Он был холодный. Не как предмет, который лежал в кладовке, — а по-настоящему холодный, как будто

его только что вытащили из холодильника. Я не обратил на это внимания тогда. Я думал о другом.

Я сел на пол прямо там, в кладовке, среди банок с вареньем и старых коробок, и открыл блокнот.

Почерк Сары. Аккуратный, ровный, как у бухгалтера. Она всегда говорила, что если писать некрасиво, то и мысли будут некрасивые. Я не знаю, откуда она это взяла. Может, от отца. Может, из книг.

Первые страницы были обычными. Списки покупок. Номера телефонов. Какие-то расчёты — сколько мы должны за электричество, сколько за дом, сколько я задолжал за запчасты. Я пролистал. Потом ещё. Потом ещё.

На двадцатой странице почерк изменился.

Он стал мельче. Плотнее. Как будто она писала быстро, торопясь, как будто боялась, что не успеет.

«14 сентября. Сегодня видела его опять. На этот раз у мельницы. Он стоял у воды и смотрел на меня. Я не подошла. Я вернулась домой. Я не сказала Фрэнку.»

Я перевернул страницу.

«18 сентября. Он приходил во сне. Сказал, что время подходит. Сказал, что я знаю, что делать. Я не знаю. Я не знаю, что делать.»

«22 сентября. Я нашла книгу. Она в доме на болоте. Я не заходила внутрь. Я только видела её в окне. Она лежала на столе. Открытая.»

«25 сентября. Я спросила у Дотти. Дотти сказала,

чтобы я не лезла. Дотти сказала, что это не моё дело. Но это моё дело. Это касается Эрин.»

Я остановился. Я перечитал последнюю строчку три раза. Это касается Эрин.

Я листал дальше. Записи становились короче. Обрывочнее. Как будто она перестала думать связно.

«30 сентября. Он сказал, что если я расскажу — возьмёт Эрин. Я не могу рассказать. Я не могу молчать. Я не знаю, что хуже.»

«3 октября. Я видела список. Девять имён. Я знаю только одно. Полли Гарденер. Она была моей ровесницей. Она пропала в шестьдесят первом. Ей было шесть. Она до сих пор там.»

«7 октября. Я поняла, что нужно делать. Я заплачу сама. Он сказал, что не примет. Я заставлю его принять.»

Последняя запись была сделана 10 марта. За два дня до смерти.

«Я иду к мельнице. Если он не возьмёт меня, я найду способ. Я не отдам Эрин. Фрэнк, прости меня. Я знаю, ты не поймёшь. Но если ты это читаешь — значит, я не вернулась. Значит, он не принял. Значит, всё ещё хуже, чем я думала. Забери Эрин. Уезжай. Не ходи за овраг. Не ходи к мельнице. Не ходи туда, где ты меня не найдёшь.»

Я закрыл блокнот. Я сидел на полу в кладовке. Вокруг ме-

ня стояли банки с вареньем, которое Сара варила из ягод, собранных на болоте. Крышки были подписаны её рукой. «Черника — 2019». «Брусника — 2020». «Земляника — 2021».

Она варила варенье из ягод, которые собирала на болоте. Она ходила туда каждое лето. Она знала это место. Она знала, что там что-то есть.

И она знала, что это что-то придёт за нашей дочерью.

Я не плакал. Я не знаю почему. Может, потому что не было времени. Может, потому что я уже два года не плакал и разучился. Может, потому что где-то внутри меня что-то переключилось — с горя на злость.

Я встал. Я положил блокнот в карман. Я поднялся из подвала. Эрин сидела в гостиной и читала книгу. Она подняла голову.

— Ты что-то нашёл? — спросила она.

— Да.

— Что?

— Пока не знаю. Но найду.

Она кивнула. Она верила мне. Это было хуже всего.

В библиотеке Честерс-Милла пахло пылью и старым деревом. Миссис Пенниурт, библиотекарьша, сидела за стойкой и вязала шарф. Она вязала шарфы круглый год — даже в июле, даже в жару. Она говорила, что это успокаивает нервы. Я думаю, она просто не знала, чем ещё себя занять в городе, где никто не читает книги.

— Фрэнк, — сказала она, когда я вошёл. — Ты давно не заходил.

— Работа.

— Всегда работа. — Она отложила вязание. — Что тебе нужно?

— Подшивки «Игл». За шестьдесят первый год.

Она посмотрела на меня. Что-то изменилось в её лице. Не сильно. Просто уголки рта опустились на миллиметр. Просто взгляд стал чуть более внимательным.

— Зачем?

— Интересно.

— Фрэнк, — сказала она. — За шестьдесят первый год у нас ничего нет.

— Как это ничего?

— Подшивки не сохранились. Пожар в подвале был. В семьдесят втором. Много чего сгорело.

— Я посмотрю сам. — Я пошёл в сторону архива.

— Фрэнк.

Я остановился. Она смотрела на меня. Вязание лежало у неё на коленях. Спицы торчали в стороны, как антенны.

— Их нет в каталоге, — сказала она тихо. — Но они есть. На нижней полке, за шкафом с энциклопедиями. Ты найдёшь.

— Почему вы мне это говорите?

Она поджала губы. Потом сказала:

— Потому что я тоже была здесь в шестьдесят первом.

Мне было девять. И я помню, как родители шептались на кухне. Я помню, как они замолкали, когда я входила.

Она взяла спицы. Начала вязать.

— Я всю жизнь молчала, — сказала она. — Как все. Но я старая. Мне уже нечего терять.

Архив был в подвале. Я спустился по скрипучей лестнице. Лампочка мигала. Пахло сыростью. Я нашёл шкаф с энциклопедиями — старый, дубовый, тяжёлый. Я отодвинул его. За ним была полка. На полке лежали подшивки. Аккуратно сложенные. Помеченные ярлыками. «Игл — 1958». «Игл — 1959». «Игл — 1960». «Игл — 1961».

Я снял последнюю. Она была тяжёлая. Переплёт потрескался. Я открыл её на октябре.

Глава 8. Девять имён

Газета «Честерс-Милл Игл» выходила раз в неделю. Восемь страниц. Местные новости, объявления, цены на молоко, некрологи. Типичная маленькая газета маленького города.

Первый номер октября 1961 года был обычным. «Совет утвердил бюджет на ремонт моста». «Церковь Святого Андрея проводит сбор пожертвований». «Миссис Гарденер сообщила, что её дочь Полли пошла в первый класс».

Я остановился. Полли Гарденер. Первый класс. Шесть лет. Я перевернул страницу.

Второй номер. 8 октября. Заголовок на первой полосе: **«ПРОПАЛА ДЕВОЧКА»**.

«В среду, 5 октября, пропала Полли Гарденер, шести лет, дочь мистера и миссис Гарденер из Честерс-Милла. Девочка вышла из дома около четырёх часов дня и не вернулась. Полиция просит всех, кто располагает информацией, сообщить в участок».

Я перевернул страницу. Третий номер. 15 октября. **«ПРОПАЛ МАЛЬЧИК»**.

«В понедельник, 10 октября, пропал Томас Холланд, семи лет, сын Дейла Холланда-старшего. Мальчик ушёл из дома утром и не вернулся. Поиски продолжаются».

Томас Холланд. Брат Дейла. Тот самый мальчик, который

«уехал к тётке в Бангор».

Я читал дальше. Руки у меня не дрожали. Я просто читал. Как будто это была не газета, а инструкция. Как будто это был список того, что произойдёт.

«ПРОПАЛА ДЕВОЧКА». Мэри Джонсон, пять лет. 12 октября.

«ПРОПАЛ МАЛЬЧИК». Уильям Прайс, шесть лет. 13 октября.

«ПРОПАЛА ДЕВОЧКА». Сьюзан Маккалистер, пять лет. 14 октября.

«ПРОПАЛ МАЛЬЧИК». Роберт Оден, шесть лет. 15 октября.

«ПРОПАЛА ДЕВОЧКА». Элизабет Пью, пять лет. 16 октября.

«ПРОПАЛ МАЛЬЧИК». Джеймс Роуэн, шесть лет. 17 октября.

«ПРОПАЛА ДЕВОЧКА». Анна Лоуэлл, пять лет. 18 октября.

Я остановился. Я смотрел на это имя. Анна Лоуэлл. Пять лет. 18 октября 1961 года.

Я знал это имя. Я слышал его. Оно было выбито на надгробии на старом кладбище за церковью — маленький камень, почти вросший в землю. Я видел его, когда хоронил Сару. Я тогда подумал: «Надо же, у нас в семье была девочка, которая умерла ребёнком». Я не спросил у матери. Мать не любила говорить о прошлом. Мать вообще не любила го-

ворить.

Анна Лоуэлл. Сестра моей матери. Моя тётя, которой я никогда не видел, потому что она исчезла за двадцать лет до моего рождения.

Девять детей. За шесть дней. В октябре 1961 года.

И в списке — мой род. Кровь Лоуэллов. Кровь Роуэнов. Кровь Холландов. Кровь Маккалистеров. Кровь Оденов. Кровь Пью.

Все фамилии, которые я знал с детства. Все семьи, которые жили в Честерс-Милле. Все люди, с которыми я ходил в школу, работал, пил пиво, чинил машины.

Их дети пропали. И никто не нашёл ни одного.

Я пролистал газеты дальше. Ноябрь. Декабрь. Ничего. Ни одной статьи. Ни одного упоминания. Как будто девять детей исчезли, и город просто закрыл эту страницу. Как будто это была плохая погода — переждали и забыли.

Я нашёл только одну заметку. 25 декабря 1961 года. Маленькая, в углу страницы, между рекламой ёлочных украшений и объявлением о продаже трактора.

«Городской совет выражает благодарность всем жителям за понимание и сотрудничество в трудный для города период. Честерс-Милл всегда был и остаётся местом, где люди помогают друг другу. Мы вместе пережили эту осень и вместе встретим Рождество».

Подпись: Дейл Холланд-старший, мэр.

Я закрыл подшивку. Я сидел в подвале библиотеки, под мигающей лампочкой, среди пыли и старых газет.

Девять детей. Девять семей. Девять имён.

И одна фамилия, которая повторяется дважды. Лоуэлл. Сначала Анна. Потом Сара. Теперь Эрин.

Кровь не забывает. Кровь платит.

Я поднялся по лестнице. Миссис Пенниурт всё ещё вязала. Она не посмотрела на меня.

— Нашёл? — спросила она.

— Да.

— Тогда иди. И не возвращайся сюда. Пожалуйста.

Я вышел на улицу. Был день. Светило солнце. Люди ходили по Мейн-стрит. Кто-то смеялся. Кто-то ел мороженое. Кто-то катил коляску с ребёнком.

Я стоял на крыльце библиотеки и смотрел на них. На людей, которые жили в этом городе. На людей, которые, возможно, знали. На людей, которые, возможно, молчали.

И я думал: кто из вас? Кто из вас знает? Кто из вас помнит? Кто из вас подписал?

Я шёл домой пешком. Дорога занимала двадцать минут. Я мог бы доехать на машине, но мне нужно было идти. Мне нужно было думать.

Дотти. Миссис Пенниурт сказала, что Сара спрашивала у Дотти. Дотти знает. Дотти помнит. Дотти была здесь в шестьдесят первом.

Закусочная Дотти называлась «У Дотти». Оригинально, я

знаю. Она стояла на углу Мейн и Черч-стрит, и в ней подавали лучшие блины в округе, и она работала с шести утра до двух дня, и Дотти сама стояла за плитой, хотя ей было восемьдесят четыре.

Я толкнул дверь. Колокольчик звякнул. Внутри было пусто — послеобеденное время, между завтраком и закрытием. Дотти протирала стол. Она подняла голову.

Она была маленькая. Сухая. С руками, которые помнили больше, чем помнила голова. Она смотрела на меня секунды три. Потом сказала:

— Ты нашёл блокнот.

Я не стал спрашивать, откуда она знает. Я просто кивнул.

— Садись, — сказала она. — Я налью тебе кофе. И расскажу. Всё расскажу. Пока ещё помню.

Глава 9. Дотти

Она налила мне кофе. Себе — тоже. Села напротив. Положила руки на стол — маленькие, в венах, в морщинах, в пятнах от ожогов. Она смотрела на меня так, как смотрят люди, которые давно решили, что скажут, и ждали только слушателя.

— Ты знаешь, что в шестьдесят первом пропали девять детей, — сказала она. Не спросила. Сказала.

— Знаю.

— Ты знаешь, что их не нашли.

— Знаю.

— Ты не знаешь, почему.

Я молчал. Она отпила кофе. Поморщилась — наверное, горячо.

— Мельница, — сказала она. — Ты знаешь про мельницу?

— Знаю, что она сгорела.

— Она не сгорела. Её сожгли.

— Кто?

— Двенадцать человек. — Она смотрела на меня. — Твоя мать была одной из них.

Я поставил чашку. Медленно. Аккуратно. Чтобы не расплескать.

— Моя мать умерла в две тысячи восемнадцатом.

— Я знаю, когда она умерла. Я спрашиваю, знаешь ли ты,

что она сделала в шестьдесят первом.

Я не знал. Я знал свою мать как женщину, которая пекла пироги, ходила в церковь по воскресеньям и говорила «не высовывайся» каждый раз, когда я что-то делал не так. Я знал её как человека, который никогда не говорил о прошлом. Я знал её как человека, который вздрагивал, когда слышал слово «мельница».

— Расскажите, — сказал я.

Она отставила чашку. Она смотрела в окно, на улицу, на людей, которые шли мимо и не знали, что в этой закусочной сейчас рассказывают историю их города.

— В пятьдесят девятом мельница начала умирать, — сказала она. — Лес вырубили. Заказов не было. Люди остались без работы. Это был не наш город, Фрэнк. Это была мельница. Мельница кормила всех. Без мельницы мы были никем.

Она помолчала.

— Двенадцать человек собрались. Владельцы. Управляющие. Те, у кого были деньги. Мой муж был среди них. И твоя мать. Она работала в конторе, вела бумаги. Она знала всё.

— Что они сделали?

— Они сожгли мельницу. Чтобы получить страховку. Чтобы город выжил.

— И?

— И страховая не заплатила. — Дотти усмехнулась. — Знаешь, почему? Потому что кто-то донёс. Кто-то написал в страховую компанию. Анонимно. И им отказали.

— Кто донёс?

— Никто не знает. — Она посмотрела на меня. — Или знают, но не говорят. В этом городе всегда так.

— И тогда?

— Тогда они пошли к мельнице. Ночью. Все двенадцать. Они думали, что сожгут её и получают деньги. А вместо этого встретили его.

— Кого?

— Человека в мокром пальто. — Она сказала это спокойно. Как будто говорила о соседе. — Он ждал их. Он знал, что они придут. Он сказал, что может помочь. Он сказал, что даст городу денег. Столько, сколько нужно. Взамен — малость.

— Какую малость?

— Детей.

Я смотрел на неё. Она смотрела на меня.

— Девять детей, — сказала она. — По одному от каждой семьи, которая была в деле. Кроме трёх. Трое отказались. У них не было детей.

— А моя мать?

— У неё была сестра. Анна. Пяти лет.

Я вспомнил надгробие. Маленький камень за церковью. Я вспомнил, как мать никогда не говорила о своей семье. Я вспомнил, как она один раз, пьяная, на Рождество, сказала: «Я не хотела. Мне не дали выбора».

Я тогда подумал, что она про отца. Про то, что вышла за

него. Я ошибался.

— Они отдали детей, — сказала Дотти. — Все двенадцать. И город выжил. Мельницу отстроили. Деньги пришли. Не сразу, но пришли. Люди вернулись на работу. Всё стало как раньше.

— А дети?

— Дети остались там. У него. Он сказал, что будет возвращать их по одному. Каждые двадцать лет. Если город будет молчать. Если город будет помнить, кому обязан.

— И город молчал.

— Город всегда молчит, Фрэнк. Ты сам это знаешь.

Она отпила кофе.

— В восемьдесят первом он вернул одного. Мальчика. Он вышел из леса на трассе. Ему было семь. Он ничего не помнил. Его отдали в приют в Бангоре. Никто не забрал. Через год он умер.

— Почему?

— Не знаю. Может, не смог здесь жить. Может, он был уже не совсем человек.

— А в две тысячи первом?

— В две тысячи первом он не вернул никого. Он взял. Двух девочек. Из семьи Маккалистер и из семьи Пью. Их искали. Не нашли. Город снова промолчал.

— А Сара?

Дотти поставила чашку. Она посмотрела на меня долгим взглядом.

— Сара была умная, — сказала она. — Слишком умная. Она нашла книгу. Она поняла, как это работает. Она попыталась заплатить собой.

— И?

— И он не взял. Ему нужны дети. Не взрослые. Она не подошла.

— Почему она умерла?

— Потому что она знала. А тот, кто знает и не молчит — опасен. Он не мог её оставить.

Я сидел. Кофе остывал. За окном шли люди. Обычные люди. Обычный город.

— Сколько у меня времени? — спросил я.

Дотти посмотрела на календарь на стене. Потом на меня.

— Тимми пропал четвёртого, — сказала она. — Сегодня седьмое. У тебя три дня.

— До чего?

— До того, как он придёт за Эрин.

Она встала. Подошла к плите. Начала что-то делать — просто чтобы занять руки. Я смотрел на её спину.

— Что мне делать? — спросил я.

— Не знаю, — сказала она. — Я не знаю, как его остановить. Никто не знает. Но я знаю одно.

— Что?

— Ты должен найти книгу. Ту, которую нашла Сара. Она в доме на болоте. И пока она у него — он сильнее.

— Что в ней?

Дотти повернулась. В её глазах было что-то, чего я не видел раньше. Страх. Настоящий. Старый. Тот, который она носила в себе шестьдесят лет.

— В ней имена, — сказала она. — Все имена. Тех, кто должен. Тех, кто заплатит. И напротив каждого имени — сумма.

— Какая сумма?

— Количество детей.

Она вытерла руки о фартук.

— У Лоуэллов, — сказала она, — написано «один». Пока что.

Я встал. Я положил деньги на стол. Она не взяла.

— Фрэнк.

— Что.

— Ты хороший человек. Я это знаю. Но хорошие люди не всегда выживают.

— Я не собираюсь выживать, — сказал я. — Я собираюсь спасти дочь.

Она кивнула. Медленно.

— Тогда иди, — сказала она. — И не оборачивайся.

Я вышел на улицу. Солнце садилось. Честерс-Милл готовился ко сну. Обычный город. Обычные люди.

Только теперь я знал, что под этим городом лежит долг. Шестидесятилетний. Кровавый. Детский.

И я знал, что мне нужно идти к мельнице.

Но сначала я должен был кое-что сделать.

Я должен был позвонить жене Ларри Пью и спросить,

помнит ли она, как пропала её двоюродная бабушка в шестьдесят первом.

Я должен был найти всех, кто был в списке.

И я должен был найти способ остановить это. До того, как он придёт за Эрин.

Глава 10. То, что сказала Дотти

Я вернулся в закусочную через два часа. Не потому что передумал. Потому что понял: я не спросил главного.

Дотти уже закрывалась. Она вытирала столы, переворачивала стулья, считала выручку в старый жестяной ящик. Когда я вошёл, колокольчик звякнул, и она подняла голову без удивления. Как будто ждала.

— Забыл что-то?

— Забыл спросить.

Она вздохнула. Сняла фартук. Села на тот же стул, на котором сидела два часа назад. Я сел напротив.

— Спрашивай.

— Почему вы мне всё это рассказываете?

Она долго молчала. Смотрела на свои руки. Потом сказала:

— Потому что я тоже была там.

— Где?

— На мельнице. В ту ночь.

У меня пересохло во рту. Я думал, что знаю всё. Я ошибался.

— Вам было сколько?

— Двадцать четыре. Я работала в конторе вместе с твоей матерью. Я вела бухгалтерию. Я знала каждую цифру. Я знала, что мы разорены.

— И вы были среди двенадцати?

— Нет. — Она покачала головой. — Я была за дверью. Я не подписывала. Я не голосовала. Я стояла в коридоре и слушала, как они решают.

— И вы ничего не сделали.

— Я ничего не сделала, — сказала она. — Я стояла в коридоре и слушала, как двенадцать человек отдают своих детей. Я слышала, как твоя мать плачет. Я слышала, как Дейл Холланд-старший говорит: «Это ради города. Ради всех». И я ушла домой. И легла спать. И на следующее утро узнала, что Полли Гарденер пропала.

Она подняла на меня глаза.

— Я не подписывала, Фрэнк. Но я молчала. А в этом городе молчание — это подпись.

— Почему вы не уехали?

— Куда? У меня не было никого. Нигде. Здесь был мой дом. Мой муж. Моя жизнь. Я думала, что если буду молчать достаточно долго, то смогу забыть.

— Смогли?

Она засмеялась. Сухо. Без веселья.

— Я шестьдесят лет пеку блины и улыбаюсь людям, которые отдали своих детей. Я знаю каждого из них. Я знаю, кто где сидел. Я знаю, кто плакал, а кто нет. Я знаю, кто умер, а кто жив.

— Кто ещё жив?

Она посмотрела на меня. Взгляд был острый, как игла.

— Ты знаешь, что в списке двенадцать имён?

— Знаю.

— Девять детей — от девяти семей. Трое не отдали никого. У них не было детей. Но они всё равно были в деле.

— Кто они?

— Один умер. Двое живы.

— Кто?

Она встала. Подошла к двери. Закрыла её на замок — тот самый, старый, который висел там с семидесятых. Потом вернулась и села.

— Отец Ренни.

Я моргнул.

— Священник?

— Он тогда не был священником. В шестьдесят первом ему было двадцать два. Он был сыном владельца мельницы. Он присутствовал. Он не подписывал. Но он видел.

— И он жив?

— Жив. Служит? Нет. Двадцать лет не служит. Сидит в пустой церкви и смотрит на дверь.

— Почему?

— Потому что он ждёт, — сказала Дотти. — Он ждёт, когда придёт его очередь. У него была сестра. Её не тронули. Она умерла своей смертью. Но он знает, что долг не закрыт. Он знает, что однажды придёт кто-то и спросит.

— А второй?

— Второй — Дейл Холланд.

— Шериф?

— Его отец был среди двенадцати. Дейл-старший. Он отдал своего сына. Томаса. Семи лет. И потом тридцать лет был мэром. И умер в своей постели.

— А Дейл-младший?

— Дейл-младший был слишком мал. Ему было четыре. Он ничего не подписывал. Но он вырос в этом доме. Он знает. Он всегда знал.

Я вспомнил, как Дейл сидел в моём гараже. Как он пил из горла. Как он сказал: «Моему брату было семь. В шестьдесят первом». Как он сказал: «У меня нет никакой тётки в Бангоре».

— Он знает, — сказал я.

— Он знает, — подтвердила Дотти. — И он молчит. Как все.

Она встала. Подошла к плите. Включила чайник — хотя закусочная была закрыта, хотя был вечер, хотя ей было во семьдесят четыре.

— Я рассказываю тебе это, потому что я старая, — сказала она, не оборачиваясь. — И потому что мне надоело. Я устала бояться. Я устала молчать. Я шестьдесят лет ждала, что кто-нибудь спросит. И вот ты спросил.

— Что мне делать?

Она повернулась. В её глазах были слёзы. Я впервые видел, как она плачет.

— Иди к отцу Ренни, — сказала она. — Он знает больше,

чем я. Он видел то, чего я не видела. Он был там, когда дети исчезали. Он хоронил их — всех девятерых, в закрытых гробах, пустых. Он знает, как это остановить.

— Он скажет?

— Не знаю. Он двадцать лет ни с кем не говорит. Но ты попробуй. Ты Лоуэлл. У тебя есть право спросить.

Я встал. Я пошёл к двери.

— Фрэнк.

Я обернулся.

— Он не любит, когда стучат в дверь, — сказала она. — Он любит, когда просто входят.

Я кивнул. Я вышел на улицу. Вечер был холодный. Пахло дождём. Я посмотрел на небо — тучи собирались над городом, серые, тяжёлые, как будто что-то готовилось.

Я пошёл домой. Мне нужно было увидеть Эрин. Мне нужно было убедиться, что она на месте.

Она была на месте. Сидела в гостиной, читала. Подняла голову, когда я вошёл.

— Ты долго.

— Дела.

— Ты нашёл что-нибудь?

— Нашёл.

— Что?

Я сел рядом с ней. Я не знал, что сказать. Я не знал, сколько правды она может выдержать. Ей девять. У неё умерла мать. Теперь я должен был сказать ей, что в городе живёт

что-то, что хочет её забрать.

— Эрин, — сказал я. — Ты помнишь, что мама говорила про лес?

— Помню. Не ходить после заката.

— Почему она так говорила?

Эрин посмотрела на меня. Она отложила книгу. Она была спокойна. Слишком спокойна для девятилетнего ребёнка.

— Потому что там что-то есть.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сказала.

Я замер.

— Что сказала?

— Она сказала, что в лесу живёт человек, который забирает детей. Она сказала, что если я когда-нибудь увижу его — я должна закрыть глаза и считать до ста. Она сказала, что он не любит, когда на него смотрят.

— Когда она тебе это сказала?

— За неделю до того, как умерла.

Я смотрел на свою дочь. На её серые глаза. На её спокойное лицо. На её руки, которые лежали на коленях, сцепленные, как у взрослой.

— Почему ты мне не рассказала?

— Она сказала не рассказывать. Она сказала, что если я расскажу, он придёт.

Я закрыл глаза. Я сосчитал до пяти. Потом открыл.

— Эрин.

— Что.

— Ты видела его?

Она молчала. Долго. Потом кивнула.

— Где?

— В окне. Один раз. Ночью. Я проснулась, потому что было холодно. Я посмотрела на окно. Он стоял там. Снаружи. Он смотрел на меня.

— Как он выглядел?

— Мокрый. — Она сказала это просто, как факт. — Весь мокрый. Как будто из воды. И у него была книга. Он держал её в руках. Он открыл её и что-то написал. Потом посмотрел на меня и улыбнулся.

— Что ты сделала?

— Закрыла глаза и считала до ста. Как мама сказала. Когда я открыла — его не было.

Я обнял её. Она не сопротивлялась. Она прижалась ко мне — маленькая, тёплая, живая. Я держал её и думал: я не отдам тебя. Никому. Никогда.

— Пап, — сказала она в моё плечо.

— Что, солнышко.

— Ты тоже его видел?

— Да.

— Тогда нам нужно уехать.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что он не пустит.

Она отстранилась. Посмотрела на меня. И я увидел в её глазах то, чего боялся больше всего: понимание. Она поняла. Не всё, но достаточно. Она поняла, что мы в ловушке. Что город — это клетка. Что лес — это стена. Что человек в мокром пальто не отпустит нас просто так.

— Мы справимся, — сказала она. — Ты и я. Мы справимся.

Я поцеловал её в лоб. Я не сказал, что не уверен. Я не сказал, что боюсь. Я не сказал, что не знаю, что делать.

Я сказал:

— Да. Справимся.

Она кивнула. И вернулась к книге. Как будто ничего не случилось. Как будто мы просто поговорили о погоде.

Я пошёл в гараж. Я открыл ящик с инструментами. Красный ботинок был на месте. Сухой. Холодный. Я закрыл ящик. Запер. Положил ключ в карман.

Завтра я пойду к отцу Ренни.

Завтра я узнаю, как это остановить.

Глава 11. Отец Ренни

Церковь Святого Андрея стояла на холме в конце Черч-стрит. Белая, деревянная, с острым шпилем, который было видно из любой точки города. Когда-то она была центром Честерс-Милла — по воскресеньям сюда шли все, от мэра до последнего работяги. Теперь она стояла пустая. Двери закрыты. Краска облупилась. Крыльцо провалилось в двух местах.

Я не был здесь двадцать лет. Сара хотела венчаться, но я сказал, что не верю. Она не спорила. Мы расписались в мэрии, и потом пошли в закусочную Дотти, и ели блины, и смеялись, и были счастливы.

Теперь я поднимался по ступеням, которые скрипели под ногами, и думал: почему я никогда не заходил сюда? Почему я проходил мимо двадцать лет и даже не смотрел в сторону?

Я не постучал. Дотти сказала не стучать.

Дверь открылась легко. Петли не скрипнули. Внутри было темно, но не холодно. Пахло воском и старой бумагой. Свечи горели у алтаря — три штуки, маленькие, жёлтые. Кто-то их зажигал. Недавно.

Отец Ренни сидел в первом ряду. Спиной ко мне. В чёрной рубашке без воротника, в старых брюках, в ботинках, которые видели лучшие дни. Он не обернулся.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он.

Я остановился. Я не сказал ни слова. Я просто стоял и смотрел на его спину.

— Садись, — сказал он. — Или стой. Как хочешь. Я не служу уже двадцать лет. Я не могу тебя благословить. Я не могу тебя отпустить с миром. Я могу только говорить.

Я сел во второй ряд. Между нами было пустое пространство — три шага, которые казались милями.

— Вы знаете, кто я?

— Ты сын Рут Лоуэлл. Ты муж Сары. Ты отец Эрин. Ты тот, кто нашёл ботинок.

Он повернулся. Медленно. Лицо у него было старое, серое, изрезанное морщинами. Глаза — светлые, почти прозрачные, как у человека, который давно перестал смотреть на мир.

— Я знаю про тебя всё, Фрэнк. Я крестил тебя. Я крестил Сару. Я хотел крестить Эрин, но ты не пришёл.

— Я не верю.

— Я знаю. Но это не имеет значения.

Он встал. Подошёл к алтарю. Поправил свечи. Одна из них погасла. Он зажёг её снова — спичкой, дрожащими руками.

— Ты был у Дотти, — сказал он. Не спросил.

— Был.

— Она рассказала тебе про мельницу.

— Рассказала.

— И про нас.

— Про вас — нет.

Он усмехнулся. Без веселья. Горько.

— Я был там, — сказал он. — В ту ночь. Я был молод. Мне было двадцать два. Я был сыном человека, который владел половиной города. Я стоял рядом с отцом и смотрел, как двенадцать человек решают, кого отдать.

— И вы ничего не сделали.

— Я ничего не сделал.

— Почему?

Он повернулся. Глаза у него были сухие. Руки дрожали.

— Потому что мне было двадцать два. Потому что я был трус. Потому что я верил отцу, когда он говорил, что иначе город умрёт. Потому что я думал, что если я не буду смотреть, то ничего не произойдёт.

— Но произошло.

— Произошло.

Он сел на ступеньку перед алтарём. Обхватил голову руками. Я смотрел на него — старого человека в пустой церкви, который двадцать лет молчал и ждал.

— Я видел, как они уходили, — сказал он. — Девять детей. Они шли в лес. Они держались за руки. Они не плакали. Они шли, как будто знали, куда идут.

— Кто их вёл?

— Он.

— Человек в мокром пальто?

— Он не был мокрым тогда. Тогда он был просто чело-

веком. В пальто. В шляпе. Он стоял у мельницы и ждал. И дети шли к нему. И когда они подошли, он открыл книгу и начал писать.

— Что он писал?

— Их имена. Напротив каждого имени — сумму. Один ребёнок. Два. Три. Чем больше семья была должна, тем больше детей.

— А потом?

— Потом он закрыл книгу. И дети исчезли. Просто исчезли. Не ушли в лес. Не растворились. Просто — раз, и нет. Как будто их никогда не было.

Он поднял голову. Посмотрел на меня.

— Я стоял в двадцати шагах. Я видел всё. Я слышал всё. И я ничего не сделал.

— Вы были молоды.

— Я был трус.

— Все были трусами.

— Это не оправдание.

Он встал. Подошёл ко мне. Сел рядом — в том же ряду, в полуметре. Я чувствовал запах старой ткани и ладана.

— Ты хочешь знать, как остановить его, — сказал он.

— Да.

— Я не знаю.

Я смотрел на него.

— Я двадцать лет искал ответ, — сказал он. — Я читал книги. Я молился. Я постился. Я спрашивал у людей, кото-

рые знают больше меня. Никто не знает.

— Тогда зачем вы здесь?

— Потому что я жду.

— Чего?

— Своего срока.

Он посмотрел на алтарь. На свечи. На крест, который висел над ним — старый, деревянный, потемневший от времени.

— В шестьдесят первом у меня была сестра. Её не тронули. Я думал, что мы откупились. Что долг закрыт. Но он не закрыт. Он никогда не закрывается. Он только откладывается.

— Что вы имеете в виду?

— Каждые двадцать лет он приходит снова. В восемьдесят первом он вернул одного мальчика. В две тысячи первом он взял двух девочек. В этом году он пришёл за твоей дочерью.

— Почему за Эрин?

— Потому что она — Лоуэлл. Потому что твоя мать подписала. Потому что долг переходит по крови.

— Что если я откажусь?

— Он возьмёт её силой.

— Что если я убью его?

Отец Ренни засмеялся. Тихо. Без радости.

— Его нельзя убить. Он не живой. Он не мёртвый. Он — тот, кто считает. Он — книга. Пока книга существует — он существует.

— Значит, нужно уничтожить книгу.

— Книгу нельзя уничтожить. Она не горит. Она не тонет. Она не рвётся. Я пробовал.

— Что?

— В восемьдесят первом я нашёл её. В доме на болоте. Я взял её. Я пытался сжечь. Она не горела. Я пытался разорвать. Страницы не рвались. Я бросил её в болото. Она вернулась на стол.

Он посмотрел на меня.

— Единственный способ — это заплатить. Или не платить. Но если не платить — он будет брать, пока не получит своё.

— Сколько?

— В книге написано «один». Один ребёнок от Лоуэллов. Твоя мать отдала сестру. Долг закрыт. Но Сара попыталась вмешаться. Она нарушила равновесие. Теперь долг снова открыт.

— И что мне делать?

Отец Ренни долго молчал. Потом сказал:

— Есть одна вещь.

— Какая?

— Ты можешь пойти к нему. Не как жертва. Не как должник. Как равный. Ты можешь предложить ему себя.

— Он не возьмёт взрослого.

— Не возьмёт. Но он может заключить сделку.

— Какую?

— Твою жизнь за жизнь твоей дочери. Не сейчас. Позже. Когда она вырастет. Когда у неё будут свои дети. Ты можешь отдать ему свой род. Всё, что осталось от Лоуэллов. Всё, что будет. Взамен — он отпустит Эрин. Сейчас.

Я смотрел на него.

— Вы предлагаете мне продать мою кровь.

— Я предлагаю тебе выбор. У тебя его нет. Но ты можешь его создать.

Он встал. Пошёл к алтарю. Погасил свечи — одну за другой. Церковь погрузилась в темноту. Только свет из окна — серый, октябрьский.

— Иди домой, Фрэнк, — сказал он. — Подумай. У тебя два дня.

— А вы?

— Я буду здесь. Я всегда здесь.

Я вышел из церкви. Ноги были ватные. Голова — пустая. Я стоял на крыльце и смотрел на город. На дома. На людей. На лес за домами — тёмный, густой, бесконечный.

Я думал о том, что сказал отец Ренни. О том, что можно продать свой род. О том, что можно отдать будущее, чтобы спасти настоящее.

Я думал о Саре. О том, что она пыталась сделать то же самое. О том, что она умерла, потому что он не принял.

Я думал об Эрин. О том, что она сидит дома и читает книгу. О том, что через два дня он придёт.

Я пошёл домой.

По дороге я увидел бензоколонку. Старую, захудалую, с одной колонкой и вывеской, которая мигала. У колонки стоял пикап Дейла Холланда. Сам Дейл сидел на капоте. С бутылкой. Пьяный.

Я подошёл.

Глава 12. Исповедь на бензоколонке

— Фрэнк, — сказал Дейл, когда я подошёл. — Садись. Выпей.

— Я за рулём.

— Ты пешком.

— Тогда тем более.

Он засмеялся. Пьяно. Горлом. Он был не просто пьян — он был в том состоянии, когда человек уже не помнит, зачем начал, и не может остановиться.

Я сел на капот рядом с ним. Он протянул бутылку. Я взял. Отпил. Виски обжёг горло. Я вернул бутылку.

Мы сидели молча. Смотрели на дорогу. Мимо проехала машина — одна, за десять минут. Потом ещё одна. Город засыпал.

— Ты был у Ренни, — сказал Дейл.

— Был.

— Что он сказал?

— Что ты знаешь.

Дейл кивнул. Медленно. Как будто ждал этого.

— Я знаю, — сказал он. — Я всегда знал.

— Почему ты молчал?

— Почему все молчат? — Он отпил. — Потому что

страшно. Потому что если скажешь — придёт. Потому что если будешь молчать — может, пронесёт.

— Пронесло?

Он засмеялся. Горько.

— Моему брату было семь. Томас. Он любил бейсбол. У него была перчатка, которую отец привёз из Бостона. Он спал с ней. Он хотел играть за «Ред Сокс». Он собирал карточки. У него было триста карточек.

— Дейл.

— Я помню его лицо, — сказал он. — Мне было четыре. Я помню, как он уходил. Он сказал: «Я скоро вернусь, Дейл. Я принесу тебе конфету». Он всегда приносил мне конфеты. Он был хороший. Он был лучше меня.

— Что случилось?

— Он ушёл в лес. С остальными. Они все ушли в лес. И не вернулись.

— Почему ты не сказал?

— Кому? — Он посмотрел на меня. Глаза были красные, мокрые. — Матери? Она знала. Отцу? Он был одним из двенадцати. Мэру? Это был мой отец. Шерифу? Шерифом был мой дядя.

Он отпил ещё.

— Я вырос в этом городе. Я знал всех. Я знал, кто отдал детей. Я знал, кто молчал. Я знал, что если я открою рот — я потеряю всё. Работу. Дом. Семью. Жизнь.

— И ты молчал.

— Я молчал шестьдесят лет.

— А теперь?

— А теперь я шериф. — Он выпрямился. Насколько мог.

— И я не знаю, что делать.

Он посмотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видел раньше. Не страх. Не вину. Отчаяние.

— Я хочу помочь, Фрэнк. Я хочу остановить это. Но я не знаю как.

— Ты знаешь про книгу?

— Знаю.

— Где она?

— В доме на болоте. Там, где жил старик Гарденер. До того, как его дочь пропала. После этого он уехал. Дом стоит пустой шестьдесят лет.

— Ты был там?

— Один раз. В восемьдесят первом. Я ходил туда с ружьём. Я думал, что смогу его убить.

— И?

— Я не смог войти. — Он опустил голову. — Я стоял на крыльце. Дверь была открыта. Внутри горел свет. Я слышал, как он пишет. Перо по бумаге. Скрип. Скрип. Скрип.

— Ты вошёл?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я услышал голос. — Он посмотрел на меня.

— Голос моего брата. Он сказал: «Дейл, не входи. Ты ещё

не готов».

Я молчал.

— Я стоял на крыльце три часа. Я слушал, как он пишет. Потом свет погас. Я ушёл. Я не вернулся.

Он допил бутылку. Бросил её в кусты. Стекло звякнуло.

— Ты пойдёшь? — спросил он.

— Пойду.

— Когда?

— Завтра.

Он кивнул. Помолчал. Потом сказал:

— Я пойду с тобой.

— Ты не обязан.

— Я знаю. — Он посмотрел на меня. — Но я должен. Я шестьдесят лет должен.

Он слез с капота. Покачнулся. Устоял. Посмотрел на меня.

— Завтра в шесть утра. У поворота на лесовозную дорогу.

— Хорошо.

— И Фрэнк.

— Что.

— Если мы не вернёмся — скажи Линде, что я старался.

Он пошёл к своей машине. Сел за руль. Завёл двигатель. Уехал — медленно, виляя, но не так сильно, чтобы я стал его останавливать.

Я стоял у бензоколонки. Смотрел, как его задние фары исчезают за поворотом. Потом пошёл домой.

Эрин спала. Я зашёл в её комнату. Она лежала на боку, подтянув колени к груди. Дышала ровно. Я стоял в дверях и смотрел на неё.

Я думал о том, что сказал отец Ренни. О том, что сказал Дейл. О том, что мне нужно идти к мельнице. К дому на болоте. К нему.

Я не знал, что будет завтра.

Я знал только, что не отдам её. Никому. Никогда.

Я закрыл дверь. Пошёл в гараж. Открыл ящик. Достал бо-
тинок. Посмотрел на него. Красный. Маленький. С белой по-
лосой.

Я положил его в карман куртки.

Завтра я верну его хозяину.

Глава 13. Возвращение

Я не спал.

Ночь тянулась, как старая плёнка, которую кто-то забыл выключить. Я лежал на кровати, смотрел в потолок и слушал дом. Дом скрипел. Дом вздыхал. Дом говорил со мной на языке, который я не понимал.

Мэйбл спала у двери. Она не подходила ко мне. Она вообще не заходила в спальню с того вечера, как я принёс ботинок. Просто лежала в коридоре, мордой к выходу, как будто ждала, что кто-то войдёт. Или выйдет.

В пять утра я встал. Сварил кофе. Выпил стоя, у окна. На улице было темно. Фонарь у почты всё ещё мигал. Дождь не шёл, но воздух был мокрый, тяжёлый, как перед грозой.

Я проверил Эрин. Она спала. Я постоял в дверях, слушая её дыхание. Потом закрыл дверь. Тихо. Как будто боялся, что она проснётся и спросит, куда я иду.

Я не знал, что ответить.

В гараже я достал ботинок. Он лежал в ящике, завернутый в старую тряпку. Сухой. Холодный. Я взял его. Положил в карман куртки. Потом достал ружьё — старое, отцовское, дробовик двенадцатого калибра. Проверил патроны. Зарядил. Положил в машину.

Я не думал, что ружьё поможет. Но я чувствовал себя лучше с ним. Как будто можно было выстрелить в то, чего не

существовало.

В пять сорок я выехал. Дорога была пустая. Город спал. Я проехал мимо закусочной Дотти — свет не горел. Мимо библиотеки — миссис Пенниуорт ещё не пришла. Мимо церкви — отец Ренни, наверное, сидел там, в темноте, и ждал.

Я свернул на лесовозную дорогу. Припарковался у поворота. Выключил двигатель. Стало тихо. Слишком тихо. Как в лесу, когда Мэйбл остановилась и зарычала.

Дейл уже ждал. Его пикап стоял в двадцати метрах. Он курил, прислонившись к капоту. Увидев меня, выбросил сигарету, растоптал.

— Ты вовремя, — сказал он.

— Ты тоже.

Он выглядел лучше, чем вчера. Не пьяный. Собранный. В форме. С ружьём в чехле за спиной. Как шериф. Как человек, который знает, что делает.

— Пошли? — спросил он.

— Пошли.

Мы вошли в лес. Тропа была старая, заросшая, но ещё читаемая. Дейл шёл первым. Я — за ним. Мы не разговаривали. В лесу не разговаривают. В лесу слушают.

Через полчаса мы вышли к развилке. Та самая развилка, где Мэйбл остановилась. Где я нашёл ботинок. Где кто-то пел про папу, который вернётся из тьмы.

Я остановился. Дейл тоже.

— Здесь? — спросил он.

— Здесь.

Он посмотрел на лес. Долго. Потом сказал:

— Дальше я не ходил. В восемьдесят первом. Я стоял здесь.

— И слушал, как он пишет.

— Да.

Мы пошли дальше. Тропа стала хуже. Папоротники выше. Ветки ниже. Свет тусклее. Лес сжимался вокруг нас, как кулак.

Ещё через двадцать минут я увидел красное.

Оно лежало на тропе. Прямо посередине. Второй ботинок. Пара к тому, что был у меня в кармане. Красный, с белой полосой. Маленький. Носком к нам.

— Стой, — сказал Дейл.

Я остановился.

— Это его.

— Я знаю.

— Тимми. Это его ботинок.

— Я знаю, Дейл.

— Значит, он рядом.

Мы стояли и смотрели на ботинок. Он не двигался. Он просто лежал. Как будто кто-то поставил его здесь специально. Как будто приглашение.

Я достал из кармана первый ботинок. Подошёл. Положил его рядом со вторым. Пара. Красные. С белыми полосами.

И тут я услышал.

Сначала я подумал, что это птица. Потом — что ветер. Потом понял, что это голос. Тонкий. Детский. Он шёл откуда-то справа, из глубины леса.

— Помогите.

Дейл схватил меня за руку.

— Не ходи.

— Там ребёнок.

— Это не ребёнок.

— Там ребёнок, Дейл.

Я пошёл на голос. Дейл пошёл за мной. Он ругался. Тихо, сквозь зубы. Но шёл.

Мы продирались через кусты. Голос становился громче. Ближе. Он повторял одно и то же слово. Помогите. Помогите. Помогите.

Я вышел на поляну. Маленькую. Круглую. Как будто кто-то специально расчистил это место. В центре поляны сидел ребёнок.

Мальчик. Лет пяти-шести. Светлые волосы. Серые глаза. Красные ботинки с белыми полосами.

Тимми Роуэн.

Он сидел на земле. Руки на коленях. Спина прямая. Он смотрел на меня. Он не плакал. Он не улыбался. Он просто смотрел.

— Тимми? — сказал я.

Он кивнул.

— Ты в порядке?

Он кивнул.

— Ты можешь идти?

Он встал. Легко. Как будто ничего не было. Как будто он не пропал четыре дня назад. Как будто он просто вышел погулять и вернулся.

— Где ты был? — спросил я.

Он посмотрел на меня. Потом на Дейла. Потом опять на меня.

— Я играл, — сказал он.

— С кем?

— С другими детьми.

— С какими детьми?

Он улыбнулся. Впервые. Улыбка была нормальная. Детская. Но что-то в ней было не так. Что-то, что я не мог определить.

— С теми, которые не выросли, — сказал он.

Дейл подошёл. Взял мальчика за руку. Тимми не сопротивлялся. Он пошёл с нами. Спокойно. Как будто мы просто забирали его из детского сада.

Мы вышли из леса к десяти утра. Дорога обратно заняла меньше времени, чем дорога туда. Как всегда бывает, когда идёшь не вглубь, а наружу.

У поворота нас ждали три машины. Шерифские. И скорая. И Линда Роуэн. Она стояла у машины, бледная, худая, с руками, которые тряслись.

Когда она увидела Тимми, она закричала. Не словами.

Просто закричала. И побежала. И упала на колени. И обняла его. И плакала. И смеялась. И целовала его лицо. И гладила волосы.

Тимми стоял. Он не плакал. Он не смеялся. Он просто стоял и позволял себя обнимать.

Я смотрел на него. И думал: что ты видел? Что ты делал? Где ты был четыре дня?

Он посмотрел на меня. Через плечо матери. Прямо в глаза.

И я понял, что он не расскажет. Никогда. Потому что то, что он видел, нельзя рассказать. Потому что если рассказать — придёт.

Дейл подошёл ко мне. Он был бледный. Руки тряслись.

— Это не Тимми, — сказал он тихо.

— Что?

— Это не Тимми. Это что-то другое.

— Дейл, это мальчик. Он живой. Он дышит.

— Я знаю. Но это не Тимми.

Он посмотрел на ребёнка. На мать. На толпу, которая начала собираться. На врачей, которые бежали с носилками.

— Это что-то, что вернулось вместо него, — сказал он.

Я не ответил. Я не знал, что сказать. Я смотрел на мальчика, который стоял в объятиях матери и смотрел на меня. И улыбался.

Улыбался так, как улыбаются люди, которые знают что-то, чего не знаешь ты.

Глава 14. Мальчик, который не вырос

Я приехал домой к полудню. Усталый. Пустой. Как будто из меня вынули что-то важное и забыли вернуть.

Эрин сидела на кухне. Перед ней стояла тарелка с хлопьями, но она не ела. Она смотрела в окно. На лес.

— Ты нашёл его? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нашёл.

— Он живой?

— Живой.

Она повернулась. Посмотрела на меня. Долго.

— Это не он, — сказала она.

Я замер.

— Что?

— Это не Тимми. Это кто-то другой.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что Тимми не вернулся бы. — Она сказала это спокойно. Как факт. Как будто объясняла, почему не бывает снега в июле. — Он ушёл туда. В лес. К человеку в пальто. Оттуда не возвращаются.

— Эрин.

— Мама говорила.

Я сел напротив неё. Взял её за руку. Рука была холодная.

— Что мама говорила?

Она посмотрела на меня. Глаза были серые. Как у Сары. Как у неба над болотом.

— Она говорила, что если кто-то возвращается — это не он. Это то, что он оставил вместо себя. Она говорила, что они улыбаются. И что они помнят всё. И что они ждут.

— Чего ждут?

— Когда их позовут обратно.

Я отпустил её руку. Я встал. Я подошёл к окну. Посмотрел на лес. Тёмный, густой, бесконечный.

Тимми Роуэн вернулся. Его привезли в больницу в Ога-сте. Его осмотрели. Всё было нормально. Пульс. Давление. Рефлексы. Он был здоров. Абсолютно здоров.

Линда Роуэн плакала от счастья. Она звонила всем. Она говорила: «Он вернулся. Мой мальчик вернулся». Она не замечала, что он не обнимает её в ответ. Что он не говорит «мама». Что он смотрит в окно и улыбается.

Я замечал.

Я замечал, потому что я видел его глаза. В лесу. Когда он сказал: «Я играл с теми, которые не выросли». Я видел его глаза, и в них не было ничего. Ни страха. Ни радости. Ни облегчения. Только пустота. И что-то ещё. Что-то старое. Что-то, что не могло принадлежать пятилетнему ребёнку.

Я поехал в больницу на следующий день. Один. Дейл отказался. Он сказал: «Я не хочу его видеть». Я не спросил почему. Я знал.

В палате было тихо. Тимми лежал на кровати. Один. Линда вышла за кофе. Он смотрел в потолок. Когда я вошёл, он повернул голову.

— Привет, — сказал я.

— Привет.

— Как ты?

— Хорошо.

Я сел на стул у кровати. Он смотрел на меня. Спокойно. Без интереса. Как на мебель.

— Тимми, — сказал я. — Ты помнишь, где был?

— Помню.

— Где?

Он улыбнулся. Той же улыбкой. Нормальной. Детской. Неправильной.

— В лесу.

— Что ты там делал?

— Играл.

— Во что?

— В игру.

— Какую игру?

Он повернулся. Посмотрел на меня. Внимательно. Как будто решал, стоит ли говорить. Потом сказал:

— В долг.

У меня пересохло во рту.

— Как играть в долг?

— Один считает. Остальные прячутся. Тот, кого нашли,

— платит.

— Кто считает?

— Человек.

— Какой человек?

— Тот, который мокрый.

— Он тебя нашёл?

— Да.

— И ты заплатил?

Он посмотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты нашёл меня первым.

Я молчал. Он смотрел на меня. Улыбался.

— Ты спас меня, — сказал он. — Теперь твой черёд.

— Что?

— Теперь ты должен. — Он повернулся к потолку. — Ты нашёл меня. Ты забрал меня. Теперь ты в игре. Теперь ты платишь.

Я встал. Стул отъехал назад. Я смотрел на мальчика, который лежал на кровати и улыбался. И я понял, что Дейл был прав. Это не Тимми. Это что-то другое. Что-то, что вернулось вместо него.

— Кто ты? — спросил я.

Он повернул голову. Посмотрел на меня. И в его глазах — серых, как у Сары, — я увидел что-то, чего не видел раньше. Что-то старое. Что-то усталое. Что-то, что ждало шестьдесят

лет.

— Я тот, кого ты ищешь, — сказал он.

Я вышел из палаты. Быстро. Почти бегом. Я прошёл мимо Линды, которая возвращалась с кофе. Она улыбнулась мне. Счастливая. Наконец-то счастливая.

— Он поправляется, — сказала она. — Врачи говорят, что он поправляется.

Я кивнул. Я не сказал ей, что её сын — не её сын. Я не сказал ей, что то, что лежит в палате, — это кукла. Оболочка. Пустая.

Я не сказал, потому что она была счастлива. А счастье в этом городе было редкостью. Даже ложное.

Я поехал домой. По дороге я остановился у церкви. Зашёл. Отец Ренни сидел на том же месте. В темноте. Перед алтарём.

— Ты видел его, — сказал он. Не спросил.

— Видел.

— Это не мальчик.

— Я знаю.

— Это он.

— Кто?

— Тот, кого мы отдали. Первый. Тот, кто вернулся и стал считать.

Я сел рядом. В темноте. На скамью.

— Вы знали?

— Догадывался.

— Почему не сказали?

— Потому что не был уверен. Теперь уверен.

— Что это значит?

Он повернулся. В темноте я видел только контур его лица.

— Это значит, что он не просто забирает детей. Он возвращает одного из них. Каждый раз. Чтобы напомнить. Чтобы показать, что он может.

— Зачем?

— Чтобы город боялся. Чтобы город молчал. Чтобы город знал: если вы отдаёте — вы не получаете обратно. Вы получаете то, что он оставил вместо.

Он встал. Подошёл к алтарю. Зажёг свечу. Одну. Маленькую.

— Тимми Роуэн мёртв, — сказал он. — Уже четыре дня. То, что лежит в больнице, — это его оболочка. Она продержится неделю. Может, две. Потом начнёт разлагаться.

— Разлагаться?

— Не физически. — Он повернулся. — Оно начнёт забывать. Сначала — слова. Потом — движения. Потом — форму. К концу месяца от него останется то, что было до него. Пустота.

— И что тогда?

— Тогда он возьмёт другого.

Я закрыл глаза. Я думал о Линде. О женщине, которая сейчас сидит у кровати своего сына и держит его за руку. Которая улыбается. Которая думает, что всё хорошо.

— Мы должны ей сказать.

— Не поможет.

— Она должна знать.

— Знание не спасёт её сына. Оно только убьёт её надежду.

Я открыл глаза. Посмотрел на отца Ренни. На старого человека в пустой церкви. На человека, который двадцать лет молчал и ждал.

— Что мне делать?

Он долго молчал. Потом сказал:

— У тебя остался один день.

— До чего?

— До того, как он придёт за Эрин.

Он подошёл ко мне. Близко. Я чувствовал запах ладана и старой ткани.

— Иди домой, — сказал он. — Собери вещи. Возьми дочь. И уезжай.

— Дорога не пустит.

— Пустит. — Он смотрел на меня. — Если ты возьмёшь книгу.

— Книгу?

— Ту, что в доме на болоте. Ту, что искала Сара. Если ты возьмёшь её — граница откроется. На время. Ты сможешь уехать.

— А он?

— Он придёт за книгой. Но пока книга у тебя — он не тронет Эрин. Он не может. Книга — это его сила. Без неё

он никто.

— Тогда почему вы не взяли её?

— Потому что я трус, — сказал он. — Потому что я боялся. Потому что я двадцать лет сижу в этой церкви и жду, когда кто-нибудь другой сделает то, что должен был сделать я.

Он вернулся к алтарю. Потушил свечу.

— Иди, — сказал он. — Сегодня. Не жди утра. Ночью он слабее.

Я вышел из церкви. На улице темнело. Небо было серое. Тучи. Ветер. Пахло дождём.

Я поехал домой. Быстро. Я не знал, сколько у меня времени. Я не знал, что будет ночью. Я знал только, что должен взять Эрин и идти к дому на болоте.

Я должен был найти книгу.

Я должен был спасти свою дочь.

Глава 15. Доктор Пайк

Доктор Пайк жил в старом доме на углу Мейн и Скул-стрит. Дом был большой, двухэтажный, с верандой, которую он никогда не красил. Ему было семьдесят два. Он принимал пациентов до пяти. После пяти он пил.

Я приехал к нему в четыре. Не потому, что хотел. Потому что мне нужно было знать. Я должен был понять, что происходит с Тимми. И, может быть, что происходило с Сарой.

Он открыл дверь. Посмотрел на меня. Не удивился. Как будто ждал.

— Фрэнк, — сказал он. — Заходи.

Я зашёл. В доме пахло пылью и лекарствами. Он провёл меня в кабинет. Тот же кабинет, в котором он двадцать лет принимал пациентов. Тот же стол. Тот же шкаф с картами. Тот же запах.

— Садись, — сказал он. — Кофе?

— Нет.

Он сел напротив. Сложил руки на столе. Посмотрел на меня.

— Ты про Тимми, — сказал он.

— Про Тимми.

— Я его осматривал. Сегодня утром. По просьбе Холланда.

— И?

Он молчал. Смотрел на меня. Потом сказал:

— Он здоров.

— Я знаю. Линда сказала.

— Нет, Фрэнк. — Он наклонился вперёд. — Ты не понимаешь. Он здоров. Абсолютно. Идеально. Как ребёнок, который никогда ничем не болел. Ни простуды. Ни ангины. Ни ветрянки. Ни переломов. Ни аллергии. Ничего.

— Это хорошо.

— Это невозможно.

Я смотрел на него.

— У всех детей есть шрамы, Фрэнк. У всех. Царапины. Синяки. Ссадины. Тимми пропал четыре дня назад. Четыре дня в лесу. Без еды. Без воды. Без одежды. Он должен быть обезвожен. Он должен быть истощён. Он должен быть искусан комарами. У него должно быть хотя бы одна царапина.

— И?

— У него нет ничего. Кожа чистая. Как у младенца. Как у ребёнка, который только что родился.

Он встал. Подошёл к шкафу. Достал папку. Положил на стол. Открыл.

— Это карта Сары, — сказал он.

Я смотрел на бумаги. На записи. На анализы. На заключение.

— Я не хотел тебе показывать, — сказал он. — Два года не хотел. Но сейчас... сейчас я думаю, что ты должен знать.

— Что знать?

— Сара не утонула.

Я молчал.

— В её лёгких была вода. Это правда. Но это была не та вода. Не из болота. Не из реки. Не из крана. Я проверял. Я сравнивал. Это была другая вода. Не из этого места.

— Какая?

— Я не знаю. — Он сел. — Я отправил образцы в Бостон. В лабораторию. Они сказали, что это вода. Но не смогли определить источник. Сказали, что это невозможно. Что такой воды не существует.

— Что это значит?

— Это значит, что Сара утонула в чём-то, что не является водой. Или в чём-то, что является водой, но не отсюда.

Он закрыл папку. Посмотрел на меня.

— Я подписал заключение, потому что не знал, что ещё делать. Я написал «утопление», потому что это было ближе всего. Но я знал, что это ложь. Я знал это тогда. Я знаю это сейчас.

— Почему вы не сказали?

— Кому? — Он посмотрел на меня. — Тебе? Ты бы мне не поверил. Шерифу? Он бы меня уволил. Газете? В этом городе нет газеты.

Он налил себе виски. Прямо в чашку из-под кофе. Выпил. Поморщился.

— Я живу здесь сорок лет, — сказал он. — Я видел многое. Я видел, как люди умирают от рака. От инфаркта. От

старости. Я видел, как дети тонут в пруду. Я видел, как мужчины вешаются в гараже. Я видел всё.

Он посмотрел на меня.

— Но я никогда не видел, чтобы человек утонул в поле. И я никогда не видел, чтобы ребёнок вернулся из леса без единой царапины.

— Что вы предлагаете?

Он отставил чашку. Посмотрел на меня. Долго.

— Я предлагаю тебе уехать, — сказал он. — Сегодня. Взять Эрин. И уехать.

— Дорога не пустит.

— Я знаю. — Он кивнул. — Я пробовал. В восемьдесят первом. После того, как вернулся тот мальчик. Я собрал вещи. Я сел в машину. Я доехал до границы города. И оказался на том же месте, откуда выехал.

— Почему вы не сказали никому?

— Потому что никто не поверил бы.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел на улицу. На город. На лес за городом.

— Есть только один способ, — сказал он. — Книга. Если взять книгу — граница откроется.

— Отец Ренни сказал то же самое.

— Отец Ренни знает больше, чем говорит.

— Он говорит, что он трус.

— Он не трус. — Доктор Пайк повернулся. — Он человек, который сделал выбор. И живёт с ним двадцать лет.

— Какой выбор?

— Он мог остановить это. В шестьдесят первом. Он знал, что происходит. Он видел, как дети уходят. Он мог закрывать. Мог позвать на помощь. Мог побежать за ними. Он не сделал ничего.

— Ему было двадцать два.

— Мне было двенадцать, — сказал доктор Пайк. — Я жил на Черч-стрит. Я видел, как они шли. Девять детей. Они держались за руки. Они пели.

— Пели?

— Ту же песню, которую ты слышал в лесу. Про папу, который вернётся из тьмы.

Он вернулся к столу. Сел. Посмотрел на меня.

— Я не знаю, что делать, Фрэнк. Я старый. Я устал. Я всю жизнь молчал. Как все. Но я не хочу молчать, когда умру.

Он достал из ящика стола конверт. Протянул мне.

— Что это?

— Всё, что я знаю. Записи. Анализы. Карты. Всё, что я собрал за сорок лет. Если ты найдёшь способ — используй.

Я взял конверт. Тяжёлый. Толстый.

— Почему вы мне это даёте?

— Потому что ты — Лоуэлл, — сказал он. — И потому что у тебя есть дочь. И потому что я не хочу, чтобы она стала следующим именем в книге.

Я встал. Я положил конверт в карман. Я посмотрел на доктора Пайка. На старого человека, который сидел за столом и

смотрел на меня усталыми глазами.

— Спасибо, — сказал я.

— Не благодари. — Он налил себе ещё виски. — Просто уезжай. И не возвращайся.

Я вышел. На улице темнело. Я сел в машину. Положил конверт на пассажирское сиденье. Завёл двигатель.

Я поехал домой.

Эрин ждала меня на крыльце. Она сидела на ступеньках, в куртке, с рюкзаком на коленях.

— Я собрала вещи, — сказала она.

— Что?

— Ты сказал, что мы уезжаем. — Она встала. — Я собрала вещи.

Я смотрел на неё. На свою дочь. На девятилетнюю девочку с рюкзаком, которая знала больше, чем должна была знать.

— Мы не уезжаем, — сказал я. — Пока.

— Почему?

— Потому что нам нужно кое-что сделать.

— Что?

— Найти книгу.

Она кивнула. Как будто ждала этого. Как будто знала.

— Я готова, — сказала она.

— Ты не идёшь.

— Пап.

— Нет, Эрин. — Я подошёл. Взял её за руки. — Ты оста-
нешься здесь. С Мэйбл. Запорошь дверь. Не откроешь ни-

кому.

— А если придёт он?

— Он не придёт. Пока книга у меня — он не тронет тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказали.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Но ты вернёшься.

Это был не вопрос.

— Вернусь, — сказал я.

Я обнял её. Крепко. Так крепко, как только мог. Я чувствовал её тепло. Её дыхание. Её сердце, которое билось быстро-быстро, как у птицы.

Я отпустил её. Посмотрел в глаза.

— Иди в дом, — сказал я. — Запрись.

Она пошла. На пороге обернулась.

— Пап.

— Что.

— Он тебя обманет. — Она сказала это спокойно. Как факт. — Он всегда обманывает. Не верь ему.

Я кивнул. Она закрыла дверь. Я услышал, как щёлкнул замок.

Я пошёл к машине. Открыл багажник. Достал ружьё. Проверил патроны. Зарядил.

Потом сел за руль. Завёл двигатель. Посмотрел на дом. На окно Эрин. Свет горел. Она была там. В безопасности. Пока.

Я поехал к мельнице.

Ночь была тёмная. Луны не было. Только звёзды — холодные, далёкие, равнодушные.

Я ехал по лесовозной дороге. Медленно. Фары выхватывали из темноты деревья. Они стояли по обе стороны, как стражи. Как свидетели.

Я думал о Саре. О том, как она шла этой дорогой. О том, что она чувствовала. О том, что она думала.

Я думал об Эрин. О том, что она сидит дома. О том, что она заперлась. О том, что она ждёт.

Я думал о книге. О том, что она лежит в доме на болоте. О том, что она открыта. О том, что в ней написано «один».

Я доехал до конца дороги. Дальше была только тропа. Я вышел из машины. Взял ружьё. Пошёл пешком.

Лес был тихий. Слишком тихий. Как тогда. Как в тот день, когда я нашёл ботинок.

Я шёл по тропе. Мимо развилки. Мимо места, где нашёл Тимми. Дальше. Глубже.

Я вышел к болоту. Оно было чёрное. Как смола. Как ночь. Как что-то, что не является водой.

За болотом стоял дом.

Я видел его раньше. Издалека. Но никогда не подходил. Старый. Деревянный. С провалившейся крышей. С окнами, которые смотрели, как глаза.

В одном окне горел свет.

Я пошёл к дому. Ноги вязли в мокрой земле. Пахло гнилью. Пахло мокрой шерстью. Пахло ржавчиной.

Я подошёл к крыльцу. Ступени скрипели. Дверь была открыта.

Я вошёл.

Внутри было пусто. Стол. Стул. Кровать в углу. И на столе — книга.

Она лежала открытая. Кожаный переплёт. Пожелтевшие страницы. Я подошёл. Посмотрел.

На странице были имена. Много имён. Столбцы. Даты. Цифры.

Я нашёл Лоуэллов. Анна. Пять лет. 1961. Сара. Тридцать четыре. 2019. И ниже — пустая строка. С именем, которое ещё не было написано.

Эрин.

Я закрыл книгу. Взял её. Она была холодная. Тяжёлая. Как будто внутри был не бумага, а что-то другое.

Я повернулся. И увидел его.

Он стоял в дверях. Мокрый. В пальто. В шляпе. С лицом, которое я не мог разглядеть.

— Ты пришёл, — сказал он.

Голос был тихий. Спокойный. Как у человека, который ждал долго и наконец дождался.

— Я пришёл, — сказал я.

— За книгой?

— За дочерью.

Он улыбнулся. Я не видел улыбку, но я её почувствовал.

— Она не здесь, — сказал он.

— Я знаю. Она дома. И ты её не тронешь.

— Почему?

— Потому что книга у меня.

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Ты умнее, чем я думал.

— Я не умный. Я просто отец.

Он сделал шаг вперёд. Я отступил. Он остановился.

— Ты знаешь, что это не сработает, — сказал он. — Ты не можешь держать её вечно. Ты не можешь уехать. Ты не можешь спрятаться. Рано или поздно я приду.

— Тогда приди.

Он засмеялся. Тихо. Без веселья.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Я не враг. Я не зло. Я — долг. Я — то, что вы создали. Вы подписали. Вы согласились. Вы отдали детей. Я просто собираю.

— Ты убиваешь детей.

— Я забираю то, что мне должны.

— Это одно и то же.

— Для тебя — да. Для меня — нет.

Он сделал ещё шаг. Я поднял ружьё.

— Не подходи.

Он остановился. Посмотрел на ружьё. Потом на меня.

— Ты не выстрелишь, — сказал он.

— Проверь.

Он смотрел на меня. Долго. Я чувствовал его взгляд. Холодный. Как вода в марте. Как то, что нашло Сару.

— Хорошо, — сказал он. — Ты можешь идти. Сегодня. С книгой. Но знай: каждый день, что книга у тебя, — это день, когда я не беру твою дочь. Ты можешь бежать. Ты можешь прятаться. Ты можешь держать её год. Два. Десять. Но в конце — я приду. И тогда я возьму не одного. Я возьму всех.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что долг растёт. Как проценты. Чем дольше ты не платишь — тем больше я беру. Сейчас я должен одного. Через год — двоих. Через два — четверых. Ты хочешь этого?

Я молчал.

— Отдай книгу, — сказал он. — И я уйду. Я не трону Эрин. Я не трону никого. В этот раз.

— Ты лжёшь.

— Я никогда не лгу. Я просто не говорю всей правды.

Он стоял. Ждал. Я стоял. Держал книгу. Держал ружьё.

Я думал об Эрин. О Саре. О Тимми. О девяти детях, которые шли в лес и пели.

Я думал о том, что сказал доктор Пайк. Что сказал отец Ренни. Что сказала Дотти.

Я думал о том, что если я отдам книгу — он уйдёт. Сегодня. Может, завтра. Может, на год.

Но он вернётся.

Он всегда возвращается.

Я опустил ружьё. Я посмотрел на него. На человека в мокром пальто. На того, кто был долгом. Кто был книгой. Кто

был тем, что мы создали.

— Нет, — сказал я.

Он молчал.

— Я не отдам книгу, — сказал я. — Я не отдам дочь. Я не отдам никого. Я найду способ. Я остановлю тебя.

Он смотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Ты не сможешь.

— Посмотрим.

Я пошёл к двери. Мимо него. Он не двинулся. Я вышел на крыльцо. Спустился по ступеням. Пошёл по тропе. К машине.

Я не обернулся.

Я знал, что он смотрит мне вслед. Я знал, что он улыбается. Я знал, что он ждёт.

Но я не обернулся.

Я сел в машину. Положил книгу на пассажирское сиденье. Завёл двигатель.

И поехал домой.

К Эрин.

Глава 16. Что помнит Полли

Полли Гарденер жила в комнате на втором этаже окружной больницы в Огасте. Отдельной. С табличкой на двери, на которой не было написано имени — только номер. Я узнал об этом от доктора Пайка. Он позвонил мне утром, когда я ещё не успел выпить кофе.

— Она говорит, — сказал он. — Полли. Она начала говорить.

— Что говорит?

— Приезжай. Сам услышишь.

Я приехал к полудню. Дорога до Огасты занимала сорок минут, и все сорок минут я думал о книге. Она лежала на пассажирском сиденье, завёрнутая в старую куртку, которую я нашёл в багажнике. Я не хотел оставлять её дома. Я не хотел, чтобы она была рядом с Эрин. Я не знал, что она может сделать. Я не знал ничего.

Больница была старая, кирпичная, с длинными коридорами и запахом хлорки. Меня провели на второй этаж. У двери с номером 217 стоял охранник. Молодой. Скучающий. Он посмотрел на меня, потом на список в планшете.

— Лоуэлл?

— Да.

— Проходите. Только недолго. Ей нужен отдых.

Я вошёл.

Комната была маленькая. Кровать, тумбочка, стул. Окно с видом на парковку. На кровати сидела девочка. На вид — лет шести. Светлые волосы, заплетённые в две косички. Бледное лицо. Огромные глаза. Она смотрела в окно. Когда я вошёл, она повернулась.

— Здравствуй, — сказал я.

— Здравствуй.

Голос был тонкий. Детский. Но в нём было что-то, что не совпадало с лицом. Что-то старое.

— Меня зовут Фрэнк.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты — тот, кто нашёл ботинок. — Она сказала это спокойно. Как факт. — Мне сказали.

— Кто сказал?

Она не ответила. Она смотрела на меня. Долго. Потом хлопала ладонью по кровати рядом с собой.

— Садись.

Я сел. Она была маленькая. Худая. Руки — как палочки. Но глаза — не детские. Взрослые. Усталые. Глаза человека, который прожил долгую жизнь и устал от неё.

— Ты хочешь спросить, где я была, — сказала она.

— Да.

— Я была в лесу.

— Шестьдесят лет?

— Шестьдесят лет.

— Что ты там делала?

Она посмотрела в окно. На парковку. На машины. На людей, которые шли с пакетами из магазина.

— Играла, — сказала она.

— В ту же игру, что Тимми?

— Тимми не играл. Тимми нашёл ты. Это другое.

— А ты?

— Я играла. Я до сих пор играю.

— Что это за игра?

Она повернулась ко мне. В её глазах не было страха. Не было печали. Только что-то очень старое. Что-то, что ждало.

— Он считает. Мы прячемся. Тот, кого он находит, — остаётся.

— Остаётся где?

— Там. — Она махнула рукой в сторону окна. — В лесу. В доме. В книге.

— В книге?

— Он пишет имена. Когда находит — пишет. И ты остаёшься. Навсегда. Пока кто-нибудь не найдёт тебя.

— Кто-нибудь?

— Ты. — Она смотрела на меня. — Ты нашёл Тимми. Ты нашёл меня. Ты ищешь.

— Я ищу способ остановить его.

Она засмеялась. Тихо. Детским смехом, который звучал как что-то другое.

— Нельзя остановить, — сказала она. — Можно только

заплатить.

— Я не хочу платить.

— Все не хотят. — Она пожала плечами. — Но все платят. Она отвернулась. Посмотрела в окно. Я сидел рядом. Я не знал, что сказать.

— Полли, — сказал я. — Ты помнишь своих родителей? Она молчала. Долго. Потом сказала:

— Маму помню. Она пахла лавандой. У неё были мягкие руки. Она пела мне перед сном.

— А папу?

— Папа умер. Когда я была маленькая. До того, как меня забрали.

— Ты помнишь тот день? Когда тебя забрали?

— Помню.

— Что ты помнишь?

Она повернулась. Глаза были сухие. Как у человека, который давно выплакал всё.

— Я играла во дворе, — сказала она. — Было холодно. Листья падали. Мама позвала меня домой. Я не пошла. Я хотела ещё поиграть.

Она замолчала.

— Потом пришёл человек, — сказала она. — В пальто. Он сказал, что знает, где живёт фея. Он сказал, что может показать. Я пошла.

— Ты не боялась?

— Нет. — Она покачала головой. — Он был добрый. Он

улыбался. Он держал меня за руку. Его рука была холодная. Но я не боялась.

— Что было потом?

— Он привёл меня в лес. Там были другие дети. Они стояли в кругу. Они держались за руки. Они пели.

— Ту же песню?

— Про папу, который вернётся из тьмы.

Она посмотрела на меня.

— Я встала в круг. Я взяла их за руки. И мы пошли.

— Куда?

— К дому. На болоте. Там было тепло. Там был свет. Там был стол. И книга. Он открыл книгу. И написал моё имя.

— Что ты почувствовала?

— Ничего. — Она сказала это просто. — Как будто я заснула. И проснулась только сейчас.

— Шестьдесят лет спустя.

— Шестьдесят лет спустя.

Она снова повернулась к окну.

— Я не выросла, — сказала она. — Я всё ещё шесть. Я всегда буду шесть. Пока он не отпустит.

— Он может отпустить?

— Он отпускает. Когда кто-то находит. Когда кто-то забирает.

— Я забрал тебя.

— Да.

— Значит, ты свободна?

Она посмотрела на меня. Долго. И в её глазах я увидел что-то, чего не было раньше. Страх. Настоящий. Детский.

— Нет, — сказала она. — Ты забрал меня из леса. Но он всё ещё держит меня в книге. Пока моё имя там — я не свободна.

— Как убрать твоё имя?

— Никак. — Она покачала головой. — Пока книга существует — мы все там. Все, кого он забрал. Мы не можем уйти. Мы не можем умереть. Мы просто есть.

Она взяла меня за руку. Её пальцы были холодные. Как лёд. Как вода в марте. Как то, что нашло Сару.

— Фрэнк, — сказала она. — Ты нашёл Тимми. Ты нашёл меня. Ты можешь найти остальных.

— Остальных?

— Семерых. Тех, кто ещё там. Они ждут. Они всегда ждут.

— Где они?

— В лесу. В доме. В книге. — Она отпустила мою руку. — Но ты не сможешь их забрать. Пока он не отпустит.

— Как заставить его отпустить?

Она посмотрела на меня. И улыбнулась. Улыбкой, которая была старше её лица. Старше её тела. Старше всего в этой комнате.

— Ты уже знаешь, — сказала она. — Ты просто боишься признаться.

Она отвернулась. Легла. Закрыла глаза.

— Я устала, — сказала она. — Уходи.

Я встал. Пошёл к двери. У двери обернулся.

— Полли.

— Что.

— Ты сказала, что мама пахла лавандой. Ты помнишь её лицо?

Она не открыла глаз.

— Нет, — сказала она. — Я помню только запах. Лица стираются. Остаётся только запах. И голос. И то, что ты не успел сказать.

Я вышел. Закрыл дверь. Охранник посмотрел на меня. Я прошёл мимо.

В коридоре я остановился. Прислонился к стене. Закрыл глаза.

Она права. Я знал. Я знал, что нужно сделать. Я знал это с того момента, как отец Ренни сказал про сделку. Я знал это, когда стоял в доме на болоте и держал книгу. Я знал это, когда смотрел в глаза человеку в мокром пальто.

Я просто боялся признаться.

Я боялся, что придётся отдать себя.

Я боялся, что придётся отдать Эрин.

Я боялся, что не хватит смелости.

Я вышел из больницы. Сел в машину. Положил руку на книгу. Она была холодная. Тяжёлая. Как будто внутри был не бумага, а что-то живое. Что-то, что дышало. Что-то, что ждало.

Я поехал домой.

Глава 17. Кухонный стол

Эрин ждала меня на кухне. Она сидела за столом. Перед ней лежал лист бумаги и цветные карандаши. Она рисовала.

Я вошёл. Она подняла голову. Посмотрела на меня. Потом на книгу в моих руках.

— Это она? — спросила она.

— Она.

— Можно посмотреть?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ты её трогала.

Она кивнула. Она не спорила. Она вернулась к рисованию.

Я положил книгу на стол. Не на кухонный — на тот, в гостиной, у окна. Я не хотел, чтобы она была рядом с едой. Я не хотел, чтобы она была рядом с Эрин. Я вообще не хотел, чтобы она была в доме. Но выбора не было.

Я сел напротив Эрин. Посмотрел на её рисунок.

Это был дом. Кривой, с косой крышей. Рядом — дерево. Под деревом — три фигурки. Большая. Средняя. Маленькая.

— Это опять мы? — спросил я.

— Нет, — сказала она. — Это не мы.

— А кто?

— Это те, кто был до нас.

Я смотрел на рисунок. На три фигурки. На большую, которая держала за руку среднюю. На среднюю, которая держала маленькую. Они стояли под деревом. И улыбались. Все трое.

— Кто это?

— Бабушка, — сказала Эрин. — И её сестра. И мама.

Я замер.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сказала.

— Кто?

— Бабушка.

Я смотрел на неё. На свою дочь. На девятилетнюю девочку, которая сидела за столом и рисовала людей, которых никогда не видела.

— Эрин, — сказал я. — Бабушка умерла. Два года назад. Ты её почти не знала.

— Знаю, — сказала она. — Но она всё равно говорит.

— Что она говорит?

Эрин отложила карандаш. Посмотрела на меня. Глаза были серьёзные. Взрослые. Как у Полли.

— Она говорит, что ты должен отдать книгу.

— Отдать кому?

— Ему.

— Почему?

— Потому что иначе он заберёт меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.